

КАЗАЧИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

СБОРНИК

RECUEIL LITTÉRAIRE

КАЗАКС

7

П а р и ж

14.к.62

А. Горовиц

КАЗАЧИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
СБОРНИК

RECUEIL LITTERAIRE KAZAKS

2

ПАРИЖ

СОДЕРЖАНИЕ:

- Стр. 1.- ОТПУ. - Стихи. П.Поляков.
 " 2.- В СТАНИЦУ. - Глава 2-ая из Записи о Былом "Казачи Ермаковы". П.А.Соколова.
 " 2.- ОБНОВЛЕНИЕ. - Стихи. М.Гаврилов.
 " 3.- ЭПИЛОГ ВОЙНЫ. - Рассказ. З.М.
 " 4.- РОДИНА. - Стихи. Вячеслав Сычев.
 " 19.- МАЛОДЕЛЬСКАЯ СТАНИЦА. - Повесть. И.Е.Тапилин (†).
 " 20.- ПИСЬМО. - Стихи. М.Гаврилов.
 " 25.- ЛЮДОВД. - Рассказ. Вячеслав Сычев.
 " 25.- МЫСЛИ. - Стихи. П.Крыков.
ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ.
 " 26.- Стихи. А.П.
 " " - От редакции.
 " 27.- 1) "Тайны выцветших строк"
 " 29.- 2) Конец "вредного скопища". А.Дедов.
 " 36.- Песня.
 " " - Культура Казачьего Народа. П.Ф.Крыков.
КАЗАЧЬИ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ.
 " 40.- Песни Кубанских Казаков.
 " 41.- Черноморские Казачьи песни.
 " 42.- Песни Донских Казаков (исторические, служивские и свадебные).
 " 50.- КАЗАЧИЙ ЭМОР. ("Дражненья" станиц, кое что нового из казачьего говора. - А.Д.А.)

=====

Принимается подписка на орган культурной мысли:

"КАЗАЧИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК".

Сборник выходит четыре раза в год.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: На I год во Франции = 14,00 фр.
 На I год за границей = 4 доллара.

В РОСНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ: Цена одного экземпляра во Франции = 3,50
 за границей = 1 дол.

=====

Редакция просит Казаков и Казачек всех Казачьих Войск присылать в редакцию записанные ПЕСНИ (служивские, бабы, свадебные и др.), ДРАЖНЕНИЯ СТАНИЦ, смешные истории из казачьей жизни (на службе и в станицах), ПОГОВОРКИ, ПОСЛОВИЦЫ из Казачьего быта и пр.
 Просим всех писать чётко и разборчиво только на одной стороне листа.

Материалы направлять по адресу редакции:
 M-r P. Krukoff, à Mélagues par Brusque (Aveyron), FRANCE.
 Выписывать Сборник и высылать деньги только по адресу:
 M-r D. Bratchikoff, 18, rue Wurtz, Paris 13-e, FRANCE.
 Редактор: П.Ф.Крыков. Издатель: Каз. Культ. Кооператив.
 Rédacteur-Gérant: P. Krukoff.
 Directeur d'édition: M-r D. Bratchikoff, 18, rue Wurtz, Paris 13-e, FRANCE.

А. Поляков

14 К. 19

.....
 " КАЗАЧИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК. "
 " " "
 " RECUEIL LITTERAIRE KAZAKS. "
 " " "
 .....

№ 2. Май. 1962. Париж. № 2.

О Т Ц У.

Сегодня я выпил, отец мой, с Тобой,
 -С портретом Твоим на стене;
 Прошли безотрадною дни чередой
 И время подходит и мне.
 Ты молча в могилу холодную лег...
 Ох, сколько Ты горя унес!
 Как встретил Тебя Твой безжалостный Бог?
 Как встретил Твой кроткий Христос?
 Я знаю - небесный урядник-трубач
 Идет за трубой на стене...
 Коня подседлает, помчится он вскачь,
 Седловку сыграет он мне.
 Ты встреть меня там. Объясни. Растолкуй:
 Зачем я всю жизнь проходил
 Нося неизменно на сердце тоску,
 Бродя среди гробов да могил?
 Мне всё непонятно. Я всё потерял.
 Довольно безрадостных слов...
 Трубач мой небесный - я жду твой сигнал.
 Довольно. В поход я готов!

П.Поляков.

=====

В С Т А Н И Ц У.

Возвратясь в лоно семьи, Андрей Ермаков принялся за работу. Мельница, оставшаяся в его отсутствие без должного догляда, требовала починки. Потекли к опытному мастеру и заказы на колёса, брички, тарантасы. Дивя у отца, он был самостоятельным, материально независимым от семьи, которая, с жёнтьбами младших братьев, всё увеличивалась. Яков Панфилович, старея, стал попивать водочку, ко крайнему неудовольствию трезвого сына. Любящий покой Андрей постепенно начинал тяготиться жизнью в отчем доме, подумывал об устройстве отдельного от многочисленных племянников и невесток собственного гнезда, строя планы переезда в станицу.
 - "Дети подростают. Алёше уж восьмой годок пошел. Учить надо. Не допустим быкам хвосты крутить. В люди вывести надо, в станицу переходить." - Советовался он со своею Васильевной.
 Та охотно поддерживала намерение мужа, желая вырваться из-под опеки свёкоров, полная забот о будущем детей.

Яков-же Панфилич, недовольный решением сына, принял его с неприязнью, резко высказав:

- "Нудишься, звать, при родителе. В станицу собираешься, репешись. Гляди, парень, примешь горького до слез. Город нашего брата по головке не гладит." - И тоном увещевания: - "Опять-же... опять-же, мельница без тебя ни во што произойдет." -

- "Управитесь и без меня, папаша. Обходились-же во время службы." - Возражал Андрей: - "За эти два года с лишним всё вам тут направило, всё привел в порядок. А коли что случится, то и из станицы надбегу. Недалёко." -

- "Ни за што пропадешь, сынок, в городе. Ни за коню табаку." - Горячился отец, залуговая.

Но страхи старика не пугали верившего в себя Андрея, упорно настаивавшего на принятом решении.

Не сломив сына, - золотые, столь нужные дома руки, - огорченный Яков Панфилич крепко напился и, разбушевавшись, заявил, что не даёт ничего.

Забрав верстак, жену и детей, Андрей переехал в станицу. Там он, как предвещал отец, хватил нужды, на первых порах особенно. Работал не только днями, но зачастую и ночами. Его добросовестную работу быстро узнали во всей округе и заказы посылали не из одних соседних, но и из более отдаленных хуторов станицы. При своей честности, Андрей Яковлевич никогда не разбогател, беря за труд "по божески", обзавелся лишь собственным куреньком из двух комнат, жил в нем скромно, примерно, всеми уважаемый.

П.А.Соколова.

=====

О Б Н О В Л Е Н И Е.

В поле ветер играет талом,
Безответна прозрачная даль;
Этой тихой весенней порою
Свежий воздух - как чистый хрусталь.
Облака - точно горы - застыли
И сияют от солнца в лучах:
По другому наш Мир нарядили,
Как бывает в прекрасных мечтах.
Всё проснулось и всё обновилось,
Чтобы радостно снова пожить;
Что было, то на время забылось,-
Каждый миг нужно счастье ловить.
Вспоминать о плохом неприятно,-
Оно так отошло далеко
И на сердце не так безотраднo,
Будто жить будет дальше легко.
Что еще будет счастье и радость,
Но чтоб нить черных дней оборвать -
Иногда в жизни ждать много надо
И не нужно надежду терять.
С каждым часом жизнь время меняет,
К человеку подходит как тать:
Только тот свое счастье поймает,
Кто сумеет свой час угадать.
Труа.

И. Габрилов

=====

Редакция "Казачьего Литературного Сборника" поздравляет всех Казачков и Казачек с Праздником Светлого Христова Воскресения!
Христос Воскрес! Воскреснет и Вольный Казачий Народ!

=====

Э П И З О Д Ы В О Й Н Ы.

I.

Посланная в глубокую разведку сотня Кубанских казаков неожиданно наткнулась на турецкий батальон, биваком расположенный у подножия гор.

Турки шли на фронт, но так как до фронта было еще далеко, то, остановившись на отдых, не приняли надлежащих мер охраны. Казаки же, обманув бдительность аван-постов, забрались далеко в тыл неприятеля и рано утром наскочили на беспечно спящую пехоту.

Размышлять не приходилось... Нужно было действовать быстро и решительно. Молодой офицер, временно командовавший сотней, смело бросился в атаку на бивак... Крики "ура", свист, гиканье, конский топот всполошили турецкий лагерь, и аскеры, как пчелы в потревоженном улье, заметались возле своих палаток. Раздались беспорядочные выстрелы, блеснули в лучах утреннего солнца златоустовские клинки, и в миг к нервному храпу взмыленных лошадей присоединились молитвенные возгласы тяжело раненых неприятельских воинов: "Аллах! Аллах!"

В мгновение ока всё было кончено. Батальон сдался. На поле брани лежало несколько убитых. Раненым оказывали помощь. Пленных строили в порядок. Все были заняты своим делом и, в разгаре суматохи, никто не обратил внимания, как один из турецких офицеров вскочил на коня и по извилистой крутой дороге поскакал прочь от бивака. Но не ускользнуло это от зорких глаз казака Хилия. На своей усталой лошадке он бросился в погоню и помахивая в воздухе шашкой, кричал что-то убежавшему.

Один за одним, и казаки и пленные, стали всматриваться вдаль: что-то сейчас произойдет? Расстояние всё сокращалось и сокращалось. Вот, вот, еще одно мгновение и могучий удар собьет противника... Турки стояли молча, понурив головы. Казаки одобрительно кричали. Но, увы!... В тот момент, когда лошади поровнялись и когда казалось, что вражеская голова должна скатиться с плеч, а наблюдавшие, затаив дыхание, вытягивали шею, - сильная рука Хилия уцепилась за спину врага и сбросила его на землю. У пленных вырвался вздох облегчения, а у казаков - взрыв смеха.

- "Ай, да Хиль! Руки як у медведя!" -

Через некоторое время пленный офицер подошел к командиру сотни и со слезами на глазах просил его показать того казака, который пощадил ему жизнь. Позвали Хилия. Подошел ленивой походкой высокий, неуклюжий, загорелый черноморец, потный и страшный... Пленный офицер, через переводчика, спросил Хилия, почему он оставил его в живых?

- "Ваше благородие," - обратился к командиру сотни Хиль, - "я хотел его зарубать, та як подыхал поближе, та глянул, а вин такий то маленький, та шуленький, шо жалко мини стало, ну я его и сбросил с киня, шо не утик! Хай живе!" -

Перевели пленнику. Шуленький, маленький офицер кинулся к Хилию, обнял его, как ребенок, за шею, расцеловал и, вынув из кармана

золотые часы, подарил своему спасителю.
А Хилия с тех пор так и звали - "Хай живе".

S. M.

=====

Р О Д И Н А.

Мила мне родина моя -
Не солнцем радостным и жгучим
(Есть страны в Мире, где оно
Еще светлее и горячее!),
Не чистым воздухом полей,
Не ковылем и не цветами,
Не синим куполом небес
И не дремучими лесами,
Ни даже степи широтой
И не ея свободной волей
(А степь - свободная страна,
Она не терпит рабской доли).
Я видел разные поля
И в них цветы, как очи змея,
Такие страны, где река
Под льдом стояла цепенея;
Я видел горы изо льда -
В них небо радугой горело,
И знойно жгучие пески,
Где марево, как море, млело;
Я был в тропическом лесу,
Стада слонов встречал на воле,
И видел множество чудес
И изумлялся поневоле.
Но всё же мне милей всего
Мое родное пепелище.
Ты спросишь: чем? и почему?
Я не скажу тебе, дружище!
Наверно: детскою порою
И беззаботной и игривой,
Иль обмелевшею рекой,
Где берега с песком и глиной,
Где я ребенком вольно рос,
В реке купаясь под ивой,
Не зная злых житейских бурь,
Под лаской матери родимой,
И где лежат и мирно спят
Мои родные на кладбище,
Они-то, видимо, влекут
Меня в родное пепелище.

Вячеслав Сычев.

=====

М А Л О Д Е Л Ь С К А Я С Т А Н И Ц А.

II.
Праздники Пасхи никакой торжественностью или весельем не от-

личались. В станице было как-то скучно в эти дни. Существовал, как повсюду, обычай праздничных визитов.

Хозяева старались щегольнуть обилием своих закусок и выпивки и усердно предлагали гостям:

- "Пожалуйста, не стесняйтесь: выпейте, закусите... Ведь это только один день в году." -

И, действительно, в обычное время гостей угощали чайком с вареньем и булочками, а иногда, конечно, в день именин или какого-либо семейного праздника, предлагали закуски и выпивки.

В доме станичного атамана собралось около десятка визитёров, в том числе и я с Андреем Семеновичем. Атаман приготовил обильное угощение. Разнаряженная атаманьша, с цветною шалью на голове, здоровая, красивая, ловкая в своих движениях, говорила гостям:

- "Пожалуйста, выпивайте и закусывайте, что Бог послал." -

Она налила по количеству гостей стаканы водки и на подносе преподносила их гостям.

Гости изрядно выпили, запели песни. Кондрат Савельевич, веселый купчик, собирался уже пойти в пляс, выразив сожаление, что не захватил с собой гармошки. Андрей Семенович заметил ему, что визитёрам не полагается так веселиться в доме хозяина, на что Кондрат ответил:

- "А зачем атаманьша так много водки подливает?" -

Среди Пасхальной недели молодежь собиралась на площади играть в мяч, горелки, ворота... Но эти игры были какими-то вялыми и не чувствовалось, что здесь веселится молодежь.

Десять взрослых девиц, из которых две дочери псаломщика, остальные купеческие дочки, сидели по своим домам и наверно ждали женихов. Я был для них подходящей жених. Меня часто осаждали разные свахи, но я заставлял, что о женитьбе не думаю, потому что хочу еще учиться. Всё же молодость брала свое и мучила мою голову.

Мне очень нравилась красивая Тоня, дочь купца Горелкина. Сам Горелкин давно умер, а Тоня, ее сестра - Лена и старший их брат Василий жили в доме с матерью, Глафирой Ивановной. Глафира Ивановна была, что называется, - женщина с характером, крутого купеческого нрава. Своих детей и семейную жизнь она держала чуть ли не по Домострою. Я жил по соседству с Горелкиными. Лена часто видела меня из окна своей комнаты, когда я шел в школу. Но мы с ней не встречались и наше знакомство состояло в поклоне головой - она из окна, а я с улицы. Лена боялась матери, а я по своей молодости и застенчивости не решался сделать попытку для нашей встречи.

И так наш немой роман на расстоянии продолжался до весны. Весна помогла нам.

С одной стороны к станице подходила полая вода реки Медведицы; с другой стороны половину станицы огибал большой ручей. По обоим берегам ручья росли вербы, тополи и ольхи. К ручью примыкали сады.

И вот, когда всё это зазеленело, зацвело, запахло ароматами цветов, запели соловьи, закуковали кукушки, - тут я, подогреваемый красотами весны, не мог удерживать порывы своего сердца и стал искать случая встретиться с Леной.

В саду моего хозяина, около ручья, лежал старый вербовый пенёк. Я часто вечерами сидел на этом пне и слушал пение соловья. Я долго с каким-то благоговением слушал это пение, уходя в своих мечтах в какую-то неизвестную даль, представляя образ Тони. А Тоня была так близко: только плетень, оббитый повителем, отделял сад моего хозяина от сада Горелкиных.

В один вечер, когда я сидел у ручья на своем пне, я услышал пение. Это Тоня сидела на скамье около цветущей яблони и тихо пела:

- "Отгадай, соловушка, я о ком грущу;

Отгадай, кукушечка, сколько проживу я..." -

Я набрался храбрости и осторожно подошел к плетню. Тоня окончила пение и погрузилась в думы.

- "Как вы хорошо поёте," - сказал я.

Тоня от неожиданности вздрогнула. Её черная головка резко выделялась на белом фоне цветущей яблони. Сперкнув своими черными очами, она встала со скамьи и сказала:

- "Завтра немного позже," - и скрылась среди яблонь.

Встречался я с Тоней только у плетня и никаких намеков на сокровенные мои чувства не делал.

В одну из наших тайных встреч Тоня говорила мне:

- "Вы знаете, как строга наша мать? Она держит нас, как в монастыре... Но и в монастырских высоких стенах есть калитки," - с улыбкой сказала Тоня.

Я-же, что называется - ни к селу, ни к городу - заявил:

- "Я не хочу жениться, а хочу учиться." -

- "Куда вам жениться? Вы еще дитя." - сказала Тоня, выпрямилась во весь рост, подняла вверх руки, бросила строгий взгляд на меня и твердо заявила:

- "Я хочу вырваться на простор, найти другую, веселую жизнь!

А сейчас мне хочется любви не ясной, как мечтанья нетронутых и девственных сердец," - пропела она, ласково погладила меня по голове и добавила: - "Мой милый мальчик." -

Я оцепенел от такой неожиданной ласки и стоял перед Тоней, как кающийся грешник...

Я часто встречался с ней в саду. Она рассказала мне о своей жизни следующее:

- "Я была в шестом классе Камышинской гимназии, когда умер мой отец. Мать взяла меня из гимназии, объясняя это тем, что я нужна ей в доме, помогать по хозяйству. Вот я и хозяйничаю.

Мать наша из старой купеческой семьи: вот она и применяет на мне свои купеческие правила жизни. А все эти ее правила мне непонятны и противны: "того нельзя делать", "это грешно", "а что люди скажут", - твердит мне мать.

Вот я и живу, как птичка в клетке. А как мне хочется вырваться на свободу! Но вы сами видите, в какой глуши и среди каких людей мы живем? Мать всё твердит мне, что я должна выйти замуж и непременно за купца и жить так, как жили они в старину.

Нет, - думаю себе: я сама выберу себе жизнь, по своему вкусу и ни за что не останусь в нашей станице. Довольно мне зажигать лампы, бить поклоны, читать житие Святых... Я жить хочу по новому, а не по мамашинной старине." -

Я чувствовал, что Тоня гораздо развитее меня, твердого характера и опытнее в ее восемнадцать лет. Она была для меня каким-то авторитетом и я боялся сказать ей что либо лишнее, особенно про мою симпатию к ней.

Тоня видела, что я не могу понять её душевного состояния, не могу помочь ей в её тоске.

- "Вы такой неопытный, вы еще ребенок," - говорила она.

- "Да, я ничего не знаю," - краснея отвечал я.

- "Так-таки ничего не знаете и ничего не чувствуете? Видите, как хороша весна: соловьи поют, пахнет цветами... Хочется другого,

полного, приятного," - почти шепотом говорила Тоня.

- "А что же еще надо?" - робко спросил я и ждал, что она научит меня чему-то другому.

Это другое было у меня на сердце, сверлило мой мозг. Я впервые почувствовал влечение к Тоне, как к женщине, испугался этого и смущенный пошел прочь от плетня.

Тоня наверно заметила происшедшую во мне перемену.

- "Вернитесь! Не уходите. Чего же вы испугались?" -

Я повернулся к ней лицом, пристально посмотрел ей в глаза, но ничего не сказал и ушел.

В следующий раз, когда мы встретились у плетня, Тоня сказала:

- "Спасибо плетню: он нас спасает." -

Так остался наш роман недосказанным и безрезультатным.

Через много лет я встретил Тоню в другом месте, в другой обстановке. Она давно вышла замуж за кассира Царицынского банка, имела двух детей.

Встреча наша была весьма сердечной. Влесть своими красивыми глазами, она спросила меня:

- "А помните наш плетень?"

Как будто и маленькое препятствие, а преградило нам путь к рискованному шагу... Но вы тогда были застенчивым и неопытным." -

- "Да, Антонина Васильевна, спасибо, что я тогда был неопытный, как вы сказали, и не испорченный." -

- "А мне кажется, что вы таким и остались, каким я вас видела у плетня." -

- "Зато вы какая красивая, пышная!" -

- "А всё плетень виноват," - с лукавой улыбкой говорила она, протяги: ая мне на прощанье свою красивую руку.

Я крепко пожал и поцеловал её руку.

- "Нет," - сказала она: - "Я должна поблагодарить вас за вашу неопытность." - Она прильнула ко мне своими пышными формами и сладко поцеловала.

Мы расстались друзьями.

Война и последующие события поглотили романтику нашей жизни.

И вот теперь, через много лет, когда перелистываешь страницы своего прошлого, - мне невольно вспоминаются Малоделские соловьи, цветущие сады, черная головка Тони и плетень, обитый повителем.

VII.

В двадцати пяти верстах от станицы, в северной части юрта, находилось имение помещика Александра Михайловича Жеребцова. Имение это состояло из пятисот десятин земли и считалось образцовым на всём севере Дона.

Жеребцов любил земледелие и понимал в нем толк, иначе его имение не было бы образцовым. Двести десятин Жеребцов орошал из своих прудов, поэтому у него ежегодно был урожай первой классной пшеницы.

В его имении был большой фруктовый сад с наилучшими плодовыми деревьями, около ста ульев пчел, в прудах разводилась рыба.

Вся усадьба - с домом хозяина, зданиями для служащих и рабочих и другими хозяйственными постройками, - выглядела хорошо устроенным поселком, по образцу немецких колоний.

Жеребцов считался прихожанином Малоделской церкви. Издавна был заведен обычай, что Малоделский причт ежегодно на Фоминой неделе ездил к Жеребцову служить молебн.

Отец Григорий пригласил меня поехать вместе с причтом к Жеребцову:

- "А то мы всё басим, а тенора у нас нет," - говорил он.

Жеребцов прислал в станицу за духовенством два пароконных экипажа. Я ехал вместе с псаломщиком Павлом Мефодиевичем. Дорогой он рассказал мне кое-что про помещика Жеребцова.

- "Удивительный человек этот Александр Михайлович," - рассказывал псаломщик: - "Прямо - редкий человек. Ему лет пятьдесят, но он молодой и красивый мужчина. Есть слухи, что у него в жизни был какой-то неудачный роман, после чего он не женился и остался холостым.

У него два имения: одно в нашем юрте, а другое где-то в Саратовской губернии. Александр Михайлович любит свое Малоделское имение и большей частью живет в нем. Он имеет управляющего, но всё хозяйство ведется под его руководством... Вот приедем, вы увидите: чего только нет в его доме?

В прошлом году мы были у него. Каких только закусок было наставлено на столе! Кроме закусок - разные наливки, коньяки, вина. Ну я, конечно, по простецки и приналег на всё это. После получился конфуз: меня вывели из-за стола, отвели в контору и я там проспал до самого отъезда."

- "На этот раз вы воздержитесь и не будете много пить," - заметил я.

- "Буду крепиться," - как бы с грустью ответил псаломщик.

Я никогда до этого не был в помещичьих усадьбах и знал их только по романам или рассказам.

В доме помещика Жеребцова было восемь комнат, в которых он жил один. Вот как объяснял он такое положение:

- "Все эти обставленные мои комнаты заменяют мне людей.

Столовая, спальня и кабинет не идут в расчёт; а вот библиотека, музыкальный зал и приемные для гостей - мои друзья и я живу с ними в большой дружбе."

Жеребцов принял нас весьма радушно. Мы исполнили все полагаемые требы: отслужили в доме молебен, освятили воду в колодцах и прудах, ходили с литией по саду и ближним полям.

После этого было обильное угощение.

- "Вы - мои желанные гости," - говорил Жеребцов: - "Прошу вас, заходите в любую комнату и выбирайте себе по вкусу развлечение. Вот рояль, бильярд, шахматы, карты... Всё это для гостей."

Отец Григорий удалились с хозяином в музыкальную комнату. Оттуда слышно было, как пел отец Григорий, а хозяин ему аккомпанировал.

Я с дьяконом играли на бильярде, а псаломщик попивал пиво и всё приговаривал: - "Хорошо идет."

За ужином Александр Михайлович поведал нам кое-что из своей жизни.

- "Моим родственникам и знакомым кажется," - начал свою повесть Жеребцов, - "что я живу затворником в своем имении, ни с кем не общаюсь, не интересуюсь ничем другим, кроме своего житья в имении.

Всё это далеко не так. Я стараюсь быть полезным и обществу и государству. Как видите, мое имение устроено хорошо. И мне и государству от него только польза.

Я ездил в Новочеркасск и доказывал Наказному Атаману, что если Войско не пожалеет денег, то Малоделская станица будет иметь орошаемые поля, на подобие моих, и будет с хлебом, а не так, как

теперь: у нея всё выходит недород.

Недавно у меня были из Новочеркасска областной инженер Маевский и агроном Елкин. Их послало сюда Областное Правление ознакомиться с моими орошаемыми полями и подсчитать, во что обойдется устройство таких полей в юрте станицы. Кажется, решено приступить к запрудке плотин и рытью каналов в районе хутора Муравлевского.

Живу я тихо, скромно," - продолжал Жеребцов, - "но не замкнуто и молча. Как видите, у меня большая библиотека. Я интересуюсь новейшей литературой, музыкой и искусством; в своем хозяйстве применяю достижения в области агрономии.

Ежегодно раз или два покидаю свой дом, еду в Москву или Петербург увидеть столичную жизнь, как говорят: проветриться. Зимой собираюсь поехать в Италию; там будет интересная художественная выставка.

Словом, я не принадлежу к нашим старосветским помещикам, а живу вместе с временем и слежу за его ходом."

На другой день я, дьякон и псаломщик пошли в гости к управляющему Жеребцова, Прибалтийскому немцу.

Управляющий и его жена были рады нашему посещению и старались, как можно лучше нас угостить.

Почувствовав свободу в гостях в доме управляющего, Павел Мефодьевич усердно прикладывался к выпивке и закуске.

- "Ты смотри, Павел Мефодьевич," - сказал ему дьякон: - "а то опять отнесут тебя спать в контору."

- "Нет, отец дьякон, я дойду на своих ногах," - ответил псаломщик.

Управляющий говорил нам:

- "Таких людей, как Александр Михайлович, всё меньше становится среди помещиков. Он - человек образованный, благородный и очень добрый. Редкий человек... Любит земледелие, понимает в нем толк и уж зря копейку не бросит, но помочь бедному человеку всегда готов."

Расставаясь с нами, Жеребцов сказал:

- "Если будет у вас время, прошу пожаловать ко мне на Спас для освящения фруктов и мёда."

Я долго потом не мог разобраться в своих впечатлениях от посещения помещика Жеребцова. Всё это было для меня ново и необычайно интересно.

- "Вот," - думал я: - "какие есть на свете люди - живут они, как написано в книгах..."

Весной 1920 года меня больного тифом эвакуировали из Новороссийска в Крым.

В Севастополе, в морских казармах, где я находился в команде выздоравливающих, ко мне подошел урядник и сказал мне:

- "Я вас угадал: вы, Иван Еремеевич, бывший наш Малоделский учитель."

- "Да," - подтвердил я.

- "Я тогда был вашим учеником - Михаил Рыбалкин, может быть вспомните?"

Конечно, я не мог вспомнить Михаила Рыбалкина, которому тогда было одиннадцать лет, а теперь он - взрослый мужчина.

Я обрадовался Рыбалкину; мы с ним вспоминали Малоделскую станицу.

Он рассказал мне, как большевики захватили станицу; как иногородние - сапожники, портные, кузнецы - стали распоряжаться в станице.

це... Ему же пришлось отступить из станицы и бросить семью.

Мне пришло на память и я спросил Рыбалкина:

- "А не знаешь ли ты, Мина, что было с имением Жеребцова?" -

- "Как не знать: всё знаю," - ответил Рыбалкин и поведал мне

следующее:

- "В 1910 году отец Григорий оставил нашу станицу и поступил управляющим имением Жеребцова. В это время Жеребцов почти не жил в своем имении, а всеми делами управлял отец Григорий и его старший сын Андрей.

До самой революции они жили там хорошо. Отец Григорий снял яры, подстриг волосы и развешивал по на бривке, то верхом по полям имения. Но вот, когда началась вся эта завирька, - всё пропало: имение разграбили и сожгли господские хохлы; да и наши казаки помогали. Куда делся сам Жеребцов я не знаю; наверно во время скрывался из своего дома, куда никто не уходил. Отца Григория с семьей скрывали и защищали от большевиков Малодельские казаки, а потом я не знаю, что было с ними.

А больше всего жалко было поливные поля: хохлы разрыли плотины в прудах и высушили всю воду.

Вот теперь судя идут дождичка, а то насидятся с голода." -

Я мысленно перевернулся в ту пору, когда я с Малодельским духовенством был в гостях у Жеребцова. Мне почему-то думалось:

- "Неужели сожгли и картину?" -

Картина эта произвела тогда на меня сильное впечатление. Она изображала собой идущий по реке паром, весь облитый лучами заходящего солнца.

VIII.

Из управления окружного атамана пришло извещение, что в начале мая 1905 года в станицу Малодельскую прибудет Наказный Атаман, генерал Максимович. Получив такое важное извещение, станичный атаман позвал весь состав правления на совет, чтобы решить, как станица должна встретить такого высокого начальника. На этот совет были приглашены и учителя: Андрей Семенович и я. Никто из присутствующих на этом совете не знал, как нужно поступить в таком случае, чтобы всё было по уставу и не осрамиться перед таким большим начальством.

- "Давно как-то, в станицу приезжал архиерей," - заявил станичный судья, - "тогда джга звонили в колокола." -

- "Зачем же в колокола звонить?" - заметил военный писарь:

- "Ведь будем встречать не архиерея, а генерала." -

- "В приказании из окружного управления написано," - сообщил станичный атаман, - "что в станицу прибудет помощник окружного атамана, Войсковой старшина Захаров и будет указывать, какой порядок нужен для встречи Наказного Атамана." -

- "Ну, и слава Богу: няхай он и распоряжается," - с облегчением заявили на совете.

- "Всё-таки, господа, я должен отдать распоряжение по станице," - сказал атаман, - "чтобы в самом правлении и около, во дворе, всё надо почистить, убрать, а то у нас большой беспорядок: станичный сарай почти развалился, во дворе валяются обрубки дров, камни, какой-то мусор. Вы уж, господа помощники, постарайтесь всё это убрать, почистить. Нужно бы побелить канцелярии и майдан, а то от табаку все стены закоптили, стали черные..." -

- "Вы, Иван Яковлевич, пришлите баб убрать школу," - просил атамана учитель Андрей Семенович: - "а то в школе то же, что и в правлении." -

- "Диковинное дело, у нас в судейской страсть развелось мышей," - заявил станичный судья. - "То и гляди, чтобы дела не поели." -

Когда на совете стали перечислять все неурядки в станичном правлении, то и выходило, что это было безхозяйственное, давно заброшенное место.

К приезду Войскового старшины Захарова был наведен порядок: сарай поправлен, двор почищен, мобилизованные на работу десять баб побелили внутри и снаружи всё здание станичного правления и школу.

Приехавший в станицу Войсковой старшина Захаров установил церемониал встречи Наказного Атамана.

- "У вас плохой вид станицы," - заметил он атаману: - "Много

плохо огороженных дворов, ни улицы, ни дворы не чищены..." -

- "У нас, ваше высокоблагородие, улицы песчаные, - грязи не бь-

зает," - ответил атаман, - "а дворы и улицы мы подметаем к Пасхе, как и в старину..." -

Захаров произвел смотр конному взводу казаков, назначенному в

конвой Наказному Атаману.

- "Вы наверно уже забыли службу," - говорил он, осматривая взвод.

- "Никак нет, ваше высокоблагородие," - ответил взводный урядник: - "Казак до смерти не забывает военную службу." -

В станице и по хуторам народ взволновался. Пошли толки и догадки: зачем едет сюда Наказный?

Атаман хутора Муравлева, приказный Горин, приехал к станичному атаману с просьбой: нельзя ли ему получить урядничество?

- "Пока вакан выпадает," - говорил он. - "А то служу другой срок, а всё приказный." -

Станичный атаман обещал Горину свою поддержку перед начальством.

Встреча Наказного Атамана произошла за пять верст, на границе юртов Малодельской и Сергиевской станиц.

Станичный атаман подошел к Наказному с рапортом. Генерал Максимович принял рапорт, поздоровался с атаманом и тут же выстроеным конвоем, сменившим конвой Сергиевской станицы. Окруженные конвоем две тройки свиты помчались в станицу.

Наказный Атаман посетил сперва церковь, где отец Григорий благословил генерала Максимовича крестом, сказав при этом теплое приветствие. Из церкви свита направилась в станичное правление.

При входе в правление Наказному преподнесли станичную хлеб-соль. На майдане гостей ожидал станичный сбор. На сборе Максимович

сказал, что он проездом из Петербурга, где хлопотал о помощи станице, а теперь сам хотел убедиться, действительно ли Малодельская

станция бедная землей?

Один выборный казак заявил:

- "Мы, ваше высокопревосходительство, не хуже других справляем своих сынов на службу, а сами нуждаемся в хлебе..." -

- "Затем я и прибыл в вашу станицу, чтобы оказать вам помощь," - ответил Наказный.

- "Покорнейше благодарим, ваше высокопревосходительство!" - ответил весь сбор.

И другие просьбы заявляли казаки на сборе.

И другие просьбы заявляли казаки на сборе. Муравлевский хуторской атаман стоял с наскокой в передних ря-

дах и когда Максимович подошел к хуторским атаманам, приказный Горин стал смиренно и твердо заявил:

- "Осмелюсь доложить вашему высокопревосходительству!" -

Хорошо, докладывай!" - ответил Наказный Атаман.

Горин доложил: - "Я служу верой и правдой своему хутору и всему начальству вот уже два срока, а всё только приказный... Так что, прошу ваше высокопревосходительство..." -

- "Хорошо, атаман," - улыбаясь перебил его Максимович: - "Спросу станичного атамана, какой ты служака, а тогда поздравлю тебя с урядником." -

- "Покорнейше благодарю, ваше высокопревосходительство!" - отчеканил Горин.

Из станичного правления генерал Максимович посетил школу. Он зашел во второй класс и, не видя в нем портрета государя (портрет был в третьем классе), спросил одного ученика:

- "А ты видел портрет государя императора?" -

- "Ага!" - ответил ученик.

- "А на кого он похож?" -

- "На тебе," - ответил мальчуган.

- "Молодец, будешь смелый казак!" - глядя по голове ученика

сказал Атаман.

Пожимая руку учителям - Андрею Семеновичу и мне, генерал Максимович сказал:

- "А вас, господа учителя, благодарю за смелых ваших учеников.

Вы меня встретили вполне исправно, а то теперь учителя или толстовцы, или народники, - в кособоротках, не бритые... Плохой пример для простого народа." -

Со своей свитой Атаман направился в станичное правление отвезти станичную хлеб-соль, а после, по маршруту, направился к помещику Жеребцову посмотреть его поливные поля, находящиеся в юрте Малодельской станицы. Гости сели за столы, расставленные на майдане. Среди закусок особенно выделялись большие жаренные сазаны.

Станичный атаман позвал Горина и приказал ему:

- "Ты тут не засиживайся, а скорей скачь на свой хутор и там встретишь его высокопревосходительство; да смотри, как полагается: с хлебом-солью и рапортом. Одна нога тут, а другая на Муравлево! Понял?" -

- "Всё по уставу будет," - ответил Горин.

Хутор Муравлев находился в десяти верстах от станицы. Через него шла дорога в имение Жеребцова.

Во весь опор мчался Горин на свой хутор. На взмыленном коне он влетел в хутор, размахивая плетью, кричал:

- "Всё скорей бегите на край хутора, к Фенькиной хате!.. К нам жалует Наказный Атаман!" -

Хуторяне быстро собрались в указанном месте и стали толпой, вперемежку - мужчины и женщины.

- "Казачки на правый фланг!" - командовал атаман, - "А бабы - на левый! Все прочие с детьми - назад!" -

- "Куди ты нас загоняешь в куты! И мы хотим поглядеть больших атаманьёв!" - возражали бабы.

- "Валче баб надо не пускать," - сказал один старик: - "Чаво они понимают в служивском деле?" -

- "Фу-у, ты дужа понятливый!" - кричала смелая баба Фёкла.

Ее поддержали другие бабы и разгорелся спор между казаками и бабами: где стоять бабам? В этот спор ввязался и атаман.

Он держал плеть в руке и грозил бабам:

- "Вот я вам ослушаюсь!.. Становись, куда приказывают!" -

По дороге скакал ординарец-урядник. Подскочив к строю он спросил:

- "Иде ваш атаман?" -

- "Я тут," - отозвался Горин, заканчивая спор с бабами.

- "Ты видишь, вся свита мчится по дороге, а у тебе ни хлеба-соли, ни насеки в руках! Хорош атаман!" - говорил ординарец.

- "Антон, беги скорей за хлебом-солью," - приказывал атаман Горин, - "и захвати насеку, она под божницей стоит!" -

Окруженные конвоем, две тройки Атаманской свиты остановились за хутором, не доезжая до строя хуторян; все вышли из экипажей, что-то стали рассматривать и о чем-то беседовать.

Первым к строю подошел окружной атаман, генерал Филинков.

Поздоровавшись с хуторянами, он спросил:

- "А кто у вас атаман?" -

- "Я, ваше превосходительство!" - выступив вперед и держа плеть в руке, ответил Горин.

- "Нужно не плеть держать в руке, а насеку," - строго заметил окружной атаман: - "А в урядники метишь! Службы не знаешь..." -

- "Дужа оторопел, ваше превосходительство... И бабы помешали!" - весь дрожа говорил Горин, чувствуя, что будто бы земля под ним проваливается.

Окружной атаман взял принесенную насеку, передал ее Горину и сказал:

- "Ты насеку должен хранить, как святыню. Рапорт съумеешь отдать Наказному Атаману?" -

- "Постараюсь, ваше превосходительство!" -

- "Отрапортуй название хутора, сколько в хуторе населения, сколько дворов," - учил окружной атаман.

- "Исполню всё по уставу," - ответил Горин.

Когда Наказный Атаман подошел к строю, Горин скомандовал - "смирно!" и отрапортовал:

- "Ваше высокопревосходительство! Хутор Муравлев, Малодельской станицы, людей в нем казаков и баб вместе четыреста шестьдесят пять душ, дворов шестьдесят два. Атаман хутора - я, приказный Горин! Происшествий в хуторе не случилось!" -

Наказный принял рапорт, взял поднесенную хлеб-соль, поздоровался с атаманом и со строем казаков, а потом, увидев на левом фланге женщин, подошел к ним и сказал:

- "Здравствуйте, казачки!" -

- "Слава Богу!" - нестройно, застенчиво ответили бабы.

- "И вас в строй поставили?" - улыбаясь говорил генерал Максимович.

- "Атаман велел," - ответили бабы.

- "Вот какой строевик ваш атаман!" -

Наказный поговорил с бабами о хозяйстве, о детях, не обижают ли их мужья... После подошел к казакам и с ними побеседовал о их житье-бытье. Потом обратился к Горину:

- "Ну, атаман, как видно, - службу свою несешь ты исправно; да и хутор твой не плохой... Значит, урядника ты заслужил... Поздравляю тебя с званием старшего урядника." -

- "Покорнейше благодарю, ваше высокопревосходительство!" - громко ответил Горин.

Поговорив еще немного с казаками, Наказный Атаман попрощался с ними, а в сторону женщин крикнул:

- "Первый раз вижу в строю молодцов-казачек! Спасибо вам!..
Прощайте, станичницы!" -

- "Бог простит," - ответили бабы.

Атаманская свита помчалась дальше, к помещику Меребцову.

Три дня хутор Муравлев "обмывал" урядничьи лычки своего атамана. Только бабы упорно твердили:

- "С нами джЕй гутарил главный атаман... Это мы заслужили та-
бе уряднишество." -

А в станице посл прозвали Горина - "бабий урядник".

Весной следующего года начались работы по сооружению заградительных плотин для водохранилищ и рытье оросительных каналов в юрте станицы.

IX.

Как известно, девятого января 1905 года в Петербурге произошло событие, которое явилось сигналом к революции. Это - расстрел рабочих, направлявшихся во главе со священником Гапоном к Зимнему дворцу с петицией к государю.

После этого события разом вспыхнула революция и стала распространяться по всей России. Высшие учебные заведения прекратили занятия. Студенты разъехались по домам, а часть пошла в народ - углублять революцию.

В это время в станицу прибыли два студента, сыновья псаломщика Лапина. Старший его сын Александр был на последнем курсе юридического факультета, а младший Николай на втором курсе того же факультета Дрьевского университета.

Николай Лапин, весьма темпераментный молодой человек, по прибытии в станицу организовал революционный кружок, в который вступил и я, не имея представления ни о каких-либо политических партиях, ни о их целях и учениях.

В станице жил казак Семен Ермаков. Ему было под сорок лет. С виду он был довольно таки странный человек и совершенно не похож на обыкновенного станичного казака.

Черные его волосы всегда были растрепаны, падали на лоб, закрывали уши и шею. Ермаков был слеп на один глаз. При ходьбе он опускал голову, горбился и как будто искал что-то на земле. В станице его считали никудышним человеком и дали кличку - "Сёмка кривой, отлучник".

Иногда по несколько лет он отлучался из станицы, работал в Царицыне на заводе или в портовых Волжских городах. Всё его хозяйство состояло из небольшой хаты с двумя комнатами с земляными полами, парн сараев, в которых находились одна корова и лошадь и кое-что из другой живности.

Хозяйство вела жена Ермакова - Степанида и взрослая, немного с "бусарью", дочь Гапка. Степанида с Гапкой большей частью работали у чужих хозяев, чем и поддерживали свое существование.

Когда же Степаниду спрашивали:

- "А где же твой хозяин?" -

- "А чорт его знает, иде он шлындает," - отвечала Степанида:

- "Хуть бы и вовсе не являлся... Толку от няво, как с парши-
вова кобеля шерсти..." -

- "А ты, Гапка, чаво замуж не вышла?" - спросит кто-нибудь.

- "Грязь была... Вот и ня вышла," - сердито отвечала Гапка.

И действительно, Гапка говорила правду.

Из одного дальнего хутора сваты выехали с женихом, чтобы обвенчать его с Гапкой в станице. Но среди пути свадебный поезд за-

стрял в грязи, лошади выбились из сил и не могли тянуть гарантасы. Промучившись часа два, сваты решили, что до станицы им не доехать.

- "Это не к добру," - заявил дружок и приказал поезду вернуться в хутор. А к невесте послали конного нарочного сказать матери Гапки, что свадьба расстраивается.

- "Бог не допустил," - велел передать Степаниде ее несуженный сват.

Гапка часто просила мать:

- "Мама, давай зятя примем за mine!" -

- "А хто к нам пойдёт, какой леший и на какую хозяйству?.." -

Николай Лапин познакомился с Семеном Ермаковым и решил, что Ермаков будет самым подходящим ему помощником в организации революционного кружка. Революционный штаб обосновался в доме Ермакова.

В кружок были привлечены два сапожника и один казак, по кличке - "Стёпка боец". Николай Лапин усердно принялся за политическое образование своего кружка. Через месяц мы уже слышали от него сведения о политической экономии и Карле Марксе, о эсерах, меньшевиках и большевиках. А чтобы не путать в наших головах всех этих понятий, Лапин объявил:

- "Мы, товарищи, должны помнить, что мы теперь социалисты-революционеры и наш долг - углублять революцию." -

Весной этого же года революция разгоралась по России.

В слободах Усть-Медведицкого округа крестьяне грабили или жгли имения их помещиков. Каждый день газеты приносили всё новые вести о забастовках рабочих, об убийствах должностных лиц, погромах купцов и т.д. Словом, запылала Россия, подожженная с разных концов.

Николай Лапин весь горел от этих новостей и всё больше и больше наэлектризовывал своими речами членов своего кружка.

На одном собрании кружка, в котором было уже десять человек, Лапин категорически заявил:

- "Мы, товарищи, должны приступить к революционным действиям!"

- "А что же мы должны делать?" - спросили его.

- "А вот что... Прежде всего я должен взять с вас клятву, чтобы вы сохраняли всё в тайне. О чем мы здесь говорим и что решаем делать, должны знать только мы, члены кружка. Полная конспирация... Нам нужны деньги для приобретения революционной литературы и других нужд." -

- "У нас денег нет," - заявили сапожники.

- "У вас я не прошу," - заявил Лапин: - "Мы должны произвести экспроприацию." -

Слушатели не поняли этого слова.

- "Это, товарищи, надо грабануть," - пояснил Ермаков.

- "Так что же, можно," - заявили сапожники: - "У попа Григория или у дьякона в амбарах пошарить..." -

- "Или купцов тряхнуть," - предлагали другие.

- "Нет, товарищи," - сказал Лапин: - "Вы предлагаете просто кражу. Это не к лицу революционеру... Экспроприация - это отнятие какой-либо части имущества или денег у казны или эксплуататора богача. Я предлагаю произвести экспроприацию кассы нашей монополии.

В ней ведь казенные деньги. Поняли?" -

- "Теперь будем знать," - с неохотой ответили слушатели.

- "Ты, Семен Матвеевич, кажется знаком с этим делом?" - спросил Лапин Ермакова.

- "Да, было дело," - ответил он и взялся организовать ограб-

ление монополки.

Ограбление было организовано неумело и, конечно, не удалось.

- "Чуть нас не перестрелял... Какой смелый этот монопольщик..!" - говорили экспроприаторы, перепуганные на-смерть, когда монопольщик наставил на них револьвер.

- "Всё равно, молчок!" - приказал Лапин.

Станичный атаман произвел следствие по этому случаю и заподозрил в нем Лапина и его шайку. После этого атаман вызвал в правление Лапина и строго спросил:

- "Чем вы занимаетесь в доме Ермакова?" -

Лапин заявил: - "Читаем книги, газеты, беседуем... Вообще - культурно-просветительным делом..." -

- "Это мне известно," - сказал атаман. - "А зачем вы организуете грабежи?" -

- "Какие грабежи?" - вспыхнул Лапин.

- "Вот что, молодой человек, советую вам: бросьте вы людей мутить и толкать их на преступления." -

- "На какие преступления?" - возразил Лапин.

- "Я не буду говорить с вами много: оставьте вашу революцию разводить у нас в станице. Она нашему народу не нужна. Предупреждаю вас, что ваша затея кончится плохим и для вас и для ваших друзей. Поняли? Идите!" -

Лапин молча вышел из правления.

После Николая Лапина атаман вызвал Ермакова и сказал, что ему не миновать тюрьмы.

- "Пора бычку быть на веревочке. Понимаешь ты, Ермаков, эту половицу?" - как бы шутливо спросил атаман.

Таким образом произошел разгром подпольной революционной организации и кружок распался.

- "Лучше сидеть дома," - говорили члены кружка. - "А то этот студент Лапин заведет нас в тюрьму." -

Только Ермаков и Лапин встречались иногда, но никакой революционной деятельности не проявляли.

Через некоторое время в станицу прибыл участковый заседатель. Посоветовавшись с атаманом, дело о попытке ограбления казенной винной лавки они замяли.

Заседатель зашел в гости к дьякону, у которого я стоял на квартире. В разговоре о происшествии в станице с монополкой, заседатель сказал мне:

- "И вы, молодой человек, могли бы пострадать вместе с Лапиным. Вы лучше учите детей да забавляйтесь с отцом дьяконом в преферанс, а матушке подпевайте романсы. А революционеры обойдутся и без вас." -

В 1909 году я встретил Николая Лапина в станице Усть-Медведицкой. Он окончил университет и занимался адвокатской практикой в станице. Когда мы вспоминали с ним нашу революционную деятельность в Малоделельской станице, Лапин говорил:

- "Да, это были первые уроки... Революция сейчас отдыхает, набирается сил для будущего боя." -

В начале 1918 года, во время избиения офицеров большевиками в слободе Михайловке, был убит и Николай Лапин.

Семен Ермаков в первые же дни революции семнадцатого года примкнул к большевикам. Он сделал большую карьеру в красной армии: был дивизионным политическим комиссаром. Эту дивизию во время войны разбили в одном бою наши казаки. Ермаков был пойман и расстрелян.

Так окончили жизнь оба вождя Малоделельской революции.

Ж.

В двух верстах на север от станицы протекала речка. С правой стороны ее возвышалось небольшое плоскогорье. Речка жалась к этому плоскогорью, а оторвавшись от него, попадала в лес и, журча и виляя по нем, впадала в реку Медведицу. Речка питалась ключами.

В верховьи она была узкой и ее легко можно было перейти. Да и на всем своем протяжении она была такой же малой. Эта речка не носила никакого названия; в станице ее называли - речка и только. Между речкой и станицей простиралась ровная, как скатерть, степь. Если выйдешь за околицу станицы, видны очертания обоих берегов речки.

Жители станицы считали речку чем-то неотделимым от их жизни. От мала до велика они знали и верили всем приметам, связанным с речкой.

Зимой, если пойдет снег и подует ветер со стороны речки, значит, - сиди дома и никуда не выезжай, а иначе попадешь в буран, и если не зазвонят в церкви на непогоду, то - "лабец", говорили в станице: можешь застрять в снегу, запутаться...

Если поползут облака по плоскогорью и спустятся к речке, - жди дождя, да еще непременно с громом и молнией.

Осенние туманы покрывают сперва речку, а после ползут к станице.

Прямо, против станицы, речка перепружена небольшой плотинкой, опирающейся с одной стороны в гору, с другой - в берег речки. Тут, у берега, на краю плотины стоит ветхая мельница. Ее старая камышевая крыша спускается прядями вниз и издали кажется кучей мусора.

Рядом с мельницей стоит старая большая верба, поросшая снизу мхом и обвитая плющом. Мельница прислонилась к вербе и стояла как бы под ее защитой. Подуют ли сильные ветры, пойдет ли дождь, - верба низко склоняет свои густые ветви и закрывает всю мельницу от таковой непогоды. Верба и мельница сроднились одна с другой и стоят тут обнявшись не один десяток лет.

Серое, покрытое плесенью мельничное колесо приводится в движение небольшой струей воды, падающей по желобу, вырубленному из дерева. Вода падает без шума и пены; мельничное колесо вертится не спеша, с небольшим скрипом; внутри мельницы слышно хриповатое урчанье вращающегося жернова.

Мука сыплется в лоток тонкой струйкой, с перерывами, как будто жернов выдыхает ее, когда она застревает в его горле.

И, кажется, всё тут одряхло, устарело, и сам пруд застыл в таинственном молчании. Плотины задерживает большую поверхность воды, образовав пруд, заросший по берегам камышом, кугой и ракушечником. В этом пруду водится много разной рыбы. Дикие утки, береговые кулики, чибисы, чайки кружились над водой; кваканье лягушек и водяных бычков сливается с пением и криком птиц. Этот общий гул несетя с речки в станицу.

Хозяин этой ветхой мельницы был старик Пафнутич. Ему за семьдесят лет. Он немного сторбился, втянул седую голову в плечи, но ходил бодрой походкой или, как говорили казаки, - козырился. Взяв удочку или ружье я шел на мельничный пруд ловить рыбу или стрелять дичь.

Но больше всего меня привлекала мельница и ее хозяин Пафнутич. Мы с ним подружились. Он был словоохотлив. Бывало сядем с ним около мельницы и он начнет рассказывать мне про свою жизнь, про старину, примечательные случаи и события в станице.

Но больше всего Пафнутич любил рассказывать про свою мельницу,

с которой он вот уже тридцать лет не расстается.

- "Мельница моя плохонькая, старенькая," - говорил он. - "Да и я с ней состарился. Дед мой Тарас тут и помер на мельнице. Старый он был, сурьезный, нелюдимый. Я во в станице побаивались. А когда деда нашли мертвым на мельнице, стали гутарить по станице, што, мол, Тараса задушил водяной... Он с ним якшался.

Да и правду сказать," - пояснил Пафнутич: - "тут место не без черных духов. Раз я сижу ночью в мельнице, а под колесом што-та зачинает хлюпать, стонать и кубыть грохочить. Я сейчас же начну "Отче наш" читать и всё замолчить, уйдёт... А то слушаю - кто-та мне кличить. Выхожу на берег - никаво нету, лишь кваки летают над водой." -

- "Может быть это они кричали," - заметил я.

- "Магётъ быть," - согласился Пафнутич, помолчал немного и продолжал: - "Давно у нас в станице умерла баба Фёкла. Она занималась ворожбой и вроде, как на ведьму была похожа. Ее схоронили, а земля ее не принимает: вот она и ходит по свету.

Я в полночь часом слышу, как кто-та - бултых в пруд! А мне люди и говорят: - Это Фёкла грехи замывает, а када обмоить все, тада ее земля и примет... Я сперва джо боялси разных нячистых духов, а када дед Анисин, какой у нас по мертвым читает, научил мне "живые помочи" читать - всё, как рукой сняло... пропали..." -

Я подолгу слушал рассказы Пафнутича. Они внушали мне не удивление или страх, а скорей сожаление, что наши глухие станицы и хутора были во власти разных суеверий.

- "Ну, а как работает мельница? Барабатываешь что-нибудь?" - спросил я Пафнутича.

Он не сразу ответил на мой вопрос, немного поразмыслил.

- "Ты видишь, какая эта мельница? В ветхость произошла... Кабы не верба, она давно бы свалилась в яр. А всё-таки грызёт помаленьку, по зёрнышку... Всё глядишь, в неделю мешка два смелю, ежели вода способная." -

Когда я приходил на мельницу с удочкой, Пафнутич учил меня, как и какую рыбу можно поймать и на каком месте.

- "Я тут все места знаю," - говорил он. - "Но удочкой мало занимаюсь. Я больше ванду бросаю. Обмажу нутрё тестом и запускаю под камши; утром подниму ванду, а в ней и ласкыри, и чикамасы и горбыльки: всякой рыбёшки попадать. А то придёт ко мне внучёнок Сёмка, так мы с ним бреднем под талами шшушат нахватаем..."

Вот такая тут рыбальства." -

- "Я, Пафнутич, люблю с удочкой посидеть," - заявил я: - "Для меня одно удовольствие поймать хоть немного, за то удочкой." -

- "Это магётъ быть и так," - подтвердил он.

Один раз пришел я на мельницу с удочкой. Пафнутич советовал мне поохать на его какке к другому берегу под камши.

- "Там не только чикамасов и линей, а подбаканить - и сазана ухватишь." -

Я согласился. Пафнутич отвязал с причала какк, дал мне шест и говорит:

- "Ну, вот, отпихнись от берега и яжжай с Богом, да гляди - дяркись, не упади..." - и он оттолкнул какк от берега.

Я стал на корку и только опустил шест в воду, чтобы сделать упор в дно, какк покачнулся, я потерял равновесие и, что называется, замкнул в воду. Пафнутич помог мне выбраться из воды.

- "И, скажи пожалуйста, как эта ты не спопанился... упал." -

После, когда я сушил свою мокрую одежду у костра, Пафнутич просил меня:

- "Ты, Еремеевич, молчи, - никому не говори про эту бяду, а то в станице над тобой будут смеяться, а про mine зачнутъ говорить, што, мол, мельник Пафнутич хотел учителя утопить." -

- "Хорошо, Пафнутич, буду молчать." -

- "То-то и оно: а то страмонныты не уберёшься," - сказал Пафнутич.

Раз я пришел на мельницу с ружьем и спрашиваю:

- "Пафнутич! Где тут на речке утки дикие садятся? Я хочу охотой заняться." -

Он указал мне рукой вдоль речки и говорит:

- "Гляди, - вон там стоит вяз на берегу: там ярдань, так за ярданью, по плёсам и утки всяда кормятся..." -

- "А что это за ярдань? Что там делают?" - любопытствовал я.

- "Как же! Чистая ярдань. Там наши сталозеры своих людей крестят." -

Меня взяло любопытство, что это за "ярдань" и я просил Пафнутича рассказать мне, как это около вяза происходит крещение.

- "У нас в станице сталозеров полстаницы наберётся," - объяснял Пафнутич. - "Они четыре веры имеют и все разные. Одних называют "нырки". Вот эти нырки привядут на эту ярдань своих казаков, баб и девок, растилешут их, загонют в воду, старики над ними читают Псалтирь, обливают водой и, значить, окрестили по ихнему.

Делают они всё тайком, рано утром. Но я всё знаю, што делается на речке... От mine не уйдёшь!..." -

- "Да, Пафнутич! Ты тут полный хозяин," - сказал я...

Иногда выйдешь за станицу и посмотришь в сторону речки, - там, около вербы, маячит белая фигура.

- "Пафнутич осматривает владенья свои," - подумаешь тогда.

Через много лет, когда я вспоминаю иногда Малодельскую станицу, всё - и люди и их примитивная жизнь - ушло куда-то, потусклоло в памяти.

Но воспоминания навязчиво идут дальше и хотят тебе сказать:

- "А Пафнутича ты забыл?" -

И вот тут воскресает в памяти Пафнутич, седой, весь белый от пыльной муки, его старенькая мельница, прислонившаяся к вербе, речка, ярдань... и всё то, что связано с памятью об этом мудром старике...

Конец.

И.Е. Тапилин (†).

=====

П И С Ь М О.

Мы разной дорогой с тобой пошли,
Но в жизни одно мы и то-же нашли:
Ты там, а я здесь зарелась мы семьей,
Чтоб не было страшно порою ночной.
Ты жалкие письма мне пишешь всегда,
Что так понапрасну ушлими года.
И что я на это ответить могу?...
И ты замечаешь, что я тебе лгу.
Неправда, неправда! Тебя я одну
Люблю и час встречи так долго я жду,

Но что же тебе я могу обещать
 И как я могу тебе правду сказать?..
 Мне больно, мне трудно надежду отнять;
 И может быть там ты не сможешь понять:
 Что нам невозможно вернуться никак,
 Пока полноправным не станет казак.
 Тебя я люблю, тебя только одну,
 Но только свободным домой я приду;
 Приду я обратно на родину вновь,
 Когда отомстится пролитая кровь.

Труа.

М. Гаврилов.

=====

Л О Д О Е Д .

В 1906 году я был командирован с моей сотней, в которой я тогда служил младшим офицером, в г. Домброву Петраковской губернии для несения патрульной охранной службы в районах Домбровских заводов, а также для предотвращения порчи забастовщиками машин и электрических станций.

Нас срочно командировало правительство в этот район потому, что были получены сведения о готовившихся беспорядках. Уже начались частичные забастовки, появились агитаторы и происходили сходки.

Начальство завода, куда наша сотня получила назначение, приняло нас очень радушно. Оказалось, что и у него были такие же сведения и потому оно было обрадовано прибытием воинских частей.

Нам отвели прекрасные помещения - чистые и светлые бараки для казаков, и хорошие конюшни для лошадей. Как те, так и другие были рядом и находились в районе самого завода, у дороги, идущей от рабочего поселка на завод. Нам же, офицерам, предоставили комнаты в большом и прекрасном четырехэтажном здании, построенном по принципу отеля. Здание было благоустроенное и хорошо содержалось - всюду была чистота и порядок. В нижнем его этаже находилась и общая столовая для инженеров и служащих завода. В верхних этажах жили конторщики, бухгалтеры, кассиры и главные мастера завода. Наши комнаты находились на четвертом этаже, причем комната командира сотни находилась рядом с комнатой учительницы завода, очень миленькой и юной девушки лет восемнадцати. Директор завода предложил нам столоваться в их общей столовой, когда узнал, что мы были командированы срочно и потому прибыли на легке и без семей.

В столовой мы познакомились с начальством и служащими завода. Первое время состояние у нас было настороженное. Мы зорко присматривались к нашим новым знакомым и хозяевам. Ведь, как ни как, а на нас была возложена очень неприятная п о л и ц е й с к а я обязанность, а наши знакомые и хозяева были исключительно одни поляки.

У наших хозяев мы тоже почувствовали недоброжелательство и какую то с их стороны враждебность. Они тоже присматривались к нам, желая узнать - кто и что мы за люди.

Мы, молодежь (кроме меня было еще два, немног старше меня, юнца), как только увидели учительницу, так сейчас же бросились за ней ухаживать, тем более, что остальные женщины завода, столующиеся с нами, были значительно старше и на редкость некрасивы. Но на

наше несчастье учительница оказалась заядлой полькой и всеми фибрами своей души ненавидела русских.² Поэтому она на всё наше к ней внимание отвечала холодным презрением. Она даже делала вид, что нас не видит и даже не слышит нашего к ней обращения. И, как только кончала обед или ужин, мгновенно исчезала. Признаюсь, что я больше всех ею заинтересовался и чаще всех пытался вызвать ее на разговор. Говорят, что иногда любовь переходит в ненависть. Это произошло и со мной - увлечение обратилось в озлобление.

Командир сотни, по натуре своей очень добрый и хороший человек, относился к нам, его офицерам, как к детям, проявлял много забот и никогда не был с нами резок и официален. Когда он заметил, что мы увлеклись учительницей и, как опытный человек, долго прослуживший в Польше, а потому и знавший хорошо характер и национальную гордость поляков, постарался нас предупредить, чтобы мы были "на чеку" с польками.

- "Польская интеллигенция" - сказал он нам, - "особенная, гордая и чванная и ладить с ней нам не легко. Послушайте, я вам расскажу один случай, свидетелем коего был. Это произошло с моим хорошим знакомым. Тогда я жил в Варшаве и, как обеспеченный человек, имел много знакомых домов среди польской знати. В одном из них встретился с неким Комаровым, который не так давно приехал в Варшаву на должность чиновника особых поручений при губернаторе, а я был комендантским адъютантом. Мы с ним скоро сошлись и подружились. Молодой человек, лет 25-27, не так давно окончивший Царскосельский Лицей. Был он довольно представительный, не глухой, из хорошей семьи и богатый человек, большой поклонник женщин. Он сразу же стал видным членом в обществе и желанным гостем местной знати. Однажды, на балу у губернатора, он увидел даму-польку. Она произвела на него сильное впечатление и он задумал, - ну вот, как вы теперь, - и начал искать предлога с ней поближе познакомиться. Это ему вскорости и удалось. Между ними завязался флирт. И однажды Комаров, уловив момент, когда эта полька осталась одна, подошел к ней и начал говорить ей о своих чувствах, но так тонко и так умело, что она только мило улыбалась.

По положению, как оказалось, он был много ниже ее, а главное - значительно моложе, так что, добиваясь взаимности, он не подумал, что мог рассчитывать только на связь с ней, что, конечно, ей не улыбалось и возможно злило ее, лстя всё же ей как женщине. Мужа своего, какого-то большого сановника и титулованного человека, она, разумеется, ради мальчишки оставить не решилась бы. А тут еще и вопрос - полька и москаль. И вот, после некоторого промежутка времени она, взвесив всё, решила пресечь его ухаживания и сделала это, как увидите, оригинально - по польски, - тем более, что пошли уже разговоры и грязные намеки, так как флирт их был замечен обществом. Да и господин Комаров слишком открыто и назойливо проявлял свое ухаживание. В одну из встреч, когда Комаров особенно усиленно просил устроить их интимную встречу, она умышленно предложила ему поехать с ней в ее имение, которое было верстах в пятнадцати от Варшавы, попросив его, чтобы он пришел в театр и по окончании его ждал ее в вестибюле. Из театра менее заметно может она с ним уехать.

² - В то время польские патриоты не делали разницы в народностях, бывших на службе (по неволе) у русского правительства, и считали москалями даже горцев Кавказа, грузин, башкир и др. РЕДАКЦИЯ.

В назначенный день Комаров отправился в театр и после его окончания вышел на подъезд и стал ждать польку. Скоро показалась и она. В поджидавшую ее карету он усадил ее и сел сам. Карета покатила по мостовой и скоро перешла на шоссе. Увлеченный ею он и не заметил ни изменения маршрута, ни ее холодности, ни зловещих огоньков, порой вспыхивающих в ее глазах. Он только без конца твердил ей о своих чувствах, называл ее всеми нежными именами, да целовал ее руки, которые она умышленно не отнимала у него. Опомнился он уже только тогда, когда карета остановилась и полька сказала ему, что они приехали и нужно выходить. Открыв дверцу кареты и только что высунувшись он хотел переступить порог, как получил основательный толчек ногой в то место, на котором он обычно сидит, и, не удержавшись, вылетел из кареты и растянулся на дороге. А вдогонку еще слышал раскатистый и злосный хохот польки и слова: "Проклятый москаль, собачья кровь! Захотел иметь польку-аристократку, ну и получишь ее - другой раз умнее будешь!". Когда же он поднялся и пришел в себя, то, оглядевшись, увидел, что карета с полькой уже где-то далеко, а он один среди поля, ночью, во фраке, весь выпачкан в пыли и еще в гнетущем состоянии духа, а кругом ни живой души, ни хаты, ни огонька, лишь одно шоссе белеет среди ночной темноты. Только к утру, то пешком, то на случайной подводе добрался господин Комаров домой, - усталый, разбитый, опозоренный и высмеянный. На всю жизнь запомнилась ему его любовная поездка с полькой. Вы спросите: а что же было дальше? Дальше было то, что карета вернулась в Варшаву и подкатила к вокзалу Варшавско-Венской железной дороги, где было всё для дороги за границу: и билет, и паспорт, и вещи, и прислуга. Утром, когда еще господин Комаров, блуждая, шел к себе домой, его любовь-полька пересекала уже русскую границу с Австрией.

После этого случая Комаров возненавидел не только полячек, но самую Польшу. Так что, - сказал нам командир сотни: - "мой совет вам - будьте подалеже от вашей учительницы, а то она преподнесет вам сюрприз, от которого не скоро придете в себя!" -

Совет командира сотни мы приняли и постарались оставить в покое учительницу. Только иногда, взглянув на нее, почувствуешь боль в сердце, но силой воли подавляешь свое настроение.

Так как наши казармы и конюшни были расположены в долине, по которой рабочие шли на работу и возвращались с нее (была еще и другая дорога, но та проходила значительно дальше и была менее удобна), то мы всё время боялись, как бы среди рабочих не просрался бы революционер и не бросил бы в наши помещения бомбы, что уже произошло в г.Сосновицы: в казарму солдат была брошена бомба и пострадало много невинных молодых солдат - человек пять было убито и около двух десятков ранено и перекалечено. В другом месте был убит часовой у казармы двумя проходившими рабочими, попросившими у него прикурить, причем исчезла и винтовка. Всё это заставляло нас изыскивать средства, дабы себя обезопасить. Конный патруль, наряжаемый во время прохода рабочих и циркулирующий возле казармы, сильно утомлял лошадей и людей. Нужно было придумать что-то другое.

И однажды, разговаривая на эту тему с казаками, я спросил у них, не знают-ли они способа, который был бы более действительной защитой от бомбы. Ведь ужасно будет, если бросят в казарму бомбу: перебьют и перекалечат и людей и лошадей.

И представьте себе, что среди общего молчания один невзрачного вида казачёк, протиснувшись сквозь толпу меня окружающую, обращаясь ко мне проговорил:

- "А что, ваше благородие, если их поугатать." -

Я сразу даже и не понял его.

- "Кого это - их?" -

- "Да "левоцинеров". -

- "Как поугатать? Не понимаю!" -

- "Да так, ваше благородие: пустить на них калмыков, они ведь у нас как звери, - страшные!" -
А калмыки нашей сотни, действительно, были страшные, в особенности - один.

- "А как это, по твоему, пустить на них калмыков?" -

- "Да приказать калмыкам, чтобы они, когда будут проходить рабочие с завода мимо наших казарм, делали вид, что бросаются на рабочих, а калмыков нарочно привязать недоузками и чтобы казаки за эти недоуздки их держали. А проходивших рабочих просить идти подалеже от казарм, так как у нас есть, мол, люди-звери, будто как обезьяны, и если они, не дай Бог, вырвутся, то могут наделать много беды, - значит, напугать их, ваше благородие." -

Мысль, поданная казачком, мне очень понравилась. Я сразу же сообразил, что это может сослужить нам великую службу.

Придя домой я рассказал моим сослуживцам про предложение казака и мы, обсудив сообща, решили его испытать.

Позвали вахмистра и сказали ему, чтобы он вечером проделал это. Когда рабочие будут возвращаться после работы домой, вывел бы привязанных недоузками калмыков и приказал бы им делать вид, что они бросаются на толпу. А кроме того распустить слух, что у нас есть, мол, дикари-людоеды, - такие люди, как обезьяны, но что они дикие и едят людей - в общем: звери в подобии человеческого. Вахмистр так и сделал, тем более, что и калмыки были довольны выдумкой: они-де послужат защитой против революционеров.

Не прошло и недели после этой нашей выдумки, как в нашей общей столовой один из инженеров, обращаясь к командиру сотни, спросил его:

- "Скажите! Правда, что у вас в казарме есть казаки людоеды? А они очень опасны? Что вы вынуждены с ними делать - вы их держите на привязи?" -

Командир сотни очень был удивлен таким вопросом и посмотрел на него как-то подозрительно (он еще не знал нашей проделки) и сказал:

- "Никаких людоедов у меня в сотне нет, что вы в самом деле? Есть калмыки..." -

Перебивая командира сотни я подтвердил, что есть:

- "Есть! Есть! Конечно, есть у нас людоеды, господин инженер, но мы их держим на цепи." -

Командир сотни с удивлением посмотрел на меня, а у меня в глазах забегали чертенята. Он сразу же сообразил, что мы напроказили и здесь была какая-то каверза, а потому промолчал и дал возможность мне продолжать:

- "Видите-ли, господин инженер, у нас есть людоеды, но их всего четыре человека; это - азиаты и они страшны, конечно, когда окажутся на воле. Действительно, они своих врагов убивают и поедают. Это - огнепоклонники и приносят человеческие жертвы. Но мы их для безопасности держим ночью на цепи. А днем, конечно, они совершенно безопасны - их всего четыре на целую сотню." -

Вся публика была очень удивлена и поверила этой нашей глупой выдумке. А это-то и нужно было нам для нашего спокойствия.

Когда мы вышли из столовой и остались одни командир сотни и спросил меня:

- "Скажите, хулиган: к чему вы им пороли такую чушь? Я понял, что вы напроказили и решил послушать, что еще вы скажете, а потом замолчал и дал вам возможность нести эту чепуху. Видно было, что вы говорили им с определенной целью." -

Тут уже пришлось рассказать ему нашу задумку и почему мы ее придумали.

Он нашел ее не лишеной остроумия и даже ему понравившейся, но только опасной. Неизвестно - как она обернется, потому и сказал:

- "Я понимаю ваше мальчишество, ваш задор и его не осуждаю, но предупреждаю, что я пока об этом ничего не знаю. Если что случится - в ответе будете вы!" -

Как ни странно, но оказалось впоследствии, что инженеры и служащие поверили всерьез этой выдумке, да я и тогда видел это по их лицам - они со страхом и болезненным любопытством слушали меня; даже наша заносчивая красавица-учительница и та глядела на меня не отрываясь, пока я рассказывал. Но это и не удивительно: за одну неделю повсюду зароду распространилась весть о том, что у казаков в казарме есть людоеды и что они уже несколько человек и съели.

Прошло больше месяца после рассказанных мною событий. Жили мы тихо-мирно, никто нас не трогал и никого и мы не трогали. Увлекались поездками в Германию, благо, что на границе всё таможенное начальство было знакомо. Нашему мирному бытию поспособствовало еще и то обстоятельство, что случайно зашедший в район наших конюшен молодой рабочий натолкнулся на находившегося там калмыка, который заметив постороннего человека у конюшен, бросился к нему, чтобы его немного попугать, так как калмыкам очень понравилась наша затея и они с радостью делали то, что мы им говорили. Рабочий же, увидев богущую к нему, как ему показалось, обезьяну по образу человека, с таким диким воем стал уходить от него, что на крик рабочего прибежала из казармы почти вся сотня.

Этот рабочий с перекугу пролежал три дня в кровати и уверял всех, что его чуть-чуть не съел людоед. Как видите, - насколько странно построен человек. Людоед оказался страшнее плети, пули, пыток и всяких торем и рабочие предпочли дальний путь, идя на завод и возвращаясь, чему были рады.

И вот, среди такой тишины и благополучия мы узнаём, что к нашей учительнице повадился ходить какой-то молодой поляк, повишнему студент. Это известие сразу же нас заело. Поднялась у нас со дна нашей души мусть. Не могли мы примириться с этим! Как? Мы забракваны, а какой-то тип ей мил!.. Тут мы стали думать, как его отвадить ходить к учительнице. Проследили, что он почти каждый день приходит к ней часов в шесть вечера и, просидев час или два, уходил, иногда и вместе с ней. И тут мне пришла в голову мысль попугать его тем же калмыком. Стоит только поставить калмыка на часы у дверей командира сотни, а двери их рядом. Но как? Для этого необходимо, чтобы командир сотни уехал куда-нибудь на вторых - может рассердиться и нам сделать нагоняй. В конце концов помог случай. В один прекрасный день командир сотни сообщил нам, что он временно уезжает в г.Сосновицы и пробудет там часов до 9-10 вечера. А мы должны, если придет кто либо из начальства,

принять его и доложить, что командир сотни находится по делам в г.Сосновицах.

А нам, как раз, это и надо было. Как только наступило время быть студенту у учительницы, мы тотчас же позвали калмыка и приказали ему стать на часах у дверей комнаты командира сотни и сказали ему, что если из соседних дверей кто либо покажется, то калмык должен будет засмеяться - больше ничего!

Было уже семь часов вечера и по нашему предположению студент должен был быть уже у учительницы. Двери были рядом, а улыбающийся калмык делался вдвое страшнее. Время близилось к восьми часам. Оставив калмыка стоять у дверей, мы сами спрятались в свой номер и, приоткрыв дверь, стали зорко наблюдать. Через некоторое время видим, как дверь открылась, раздались веселые голоса и поляк, пятясь спиной, стал выходить из комнаты, а за ним учительница. Вдруг они увидели калмыка, а тот еще им и улыбнулся, и как сумасшедшие бросились обратно в комнату, хлопнув дверью. Предполагая, что через некоторое время они попытаются еще выйти из комнаты, мы калмыка задержали. И верно... Спустя минут пятнадцать видим, что дверь тихонько приоткрылась и из нее высунулась голова студента, но увидев у двери калмыка, голова спряталась. Когда время приблизилось к девяти часам, мы, боясь возвращения командира сотни, не могли больше держать калмыка, а потому его отпустили, а сами, всё же, остались наблюдать за дверью. Уже и командир сотни приехал, и двенадцать часов ночи пробило, а дверь оставалась у учительницы закрытой.

Как и когда они ушли - мы и до сего времени не знаем. Но исчез не только студент, ушла и учительница! И мы ее больше уже и не видели ни в столовой, ни у ее комнаты. Вот как страшен людоед! И только благодаря такой нашей шутке с "людоедом", в нашей сотне было тихо и спокойно, а со стороны рабочих не было не только каких либо покушений, но они даже боялись проходить мимо нашей казармы.

Вячеслав Сычев.

=====

М Н С Л И .

Жизнь прошла... незатейливо... просто...
Промелькнул на экране степной огонек,
Замирая порой в трепетаньи бессильном,
Как в потухшем костре небольшой уголек.
Глядь: внезапно опять, как под веяньем ветра,
Разгорается ярче фонтаном огня
И... опять затихает в невольном бессилье,
Не найдя ничего, чтоб зажечь от себя...
Всё проходит и тонет в бездонности вечной,
И ничто и никто не повернется вспять,
Но, как волны морские, идут поколенья
И сменяют погибших опять и опять...
Остается лишь след тех, кто с прахом смешался:
Их дела, что при жизни творили они,-
Вереницы потомков их может осудят,
Иль запомнят кого на века иль на дни.
Не проходят бесследно деянья - и кара
Идет того, кто Творца всей Вселенной забыл,

Кто не чтит Его Имя, забыл про Законы
 И изменой Народу себя осквернил.
 Кто наш ближний? - Народ весь Казачий!
 Он, как был, так пребудет во веки веков!
 И как нас возрастили на былях старинных,
 Так и мы возрастим молодых Казаков!
 Да! Но кто мы теперь? - Угольки разметённые,
 Разнесённые ветром по лику Земли,
 И то тухнем во мраке незведомой жизни,
 То мерцаем там-сям, как в степи огоньки.
 И когда тухнет светоч земной нашей жизни,
 То душа предстаёт пред Судьёю судей:
 Что содеяно тайно - становится явным
 И нага перед Богом душа всех людей...
 Вот когда я предстану пред Судьёю Всевышним
 И меня испытующе спросит Сам Бог:
 - "Что ты сделал при жизни для блага Народа?" -
 Я отвечу Ему: - "Сделал всё, что лишь мог!..." -

21-2-1962.

П. Крюков.

О Т Д Е Л   И С Т О Р И Ч Е С К И Й .

Друзья Казаки, собирайте былое -
 В нем наша удаля и слава живёт.
 Про жизнь, про станицы, про наше родное -
 Потомство об этом не раз всё прочтёт.

А. П.

О Т   Р Е Д А К Ц И И .

Помещая ниже интересные исторические материалы о конце Запорожской Сечи, взятые нами из двух статей А. Дедова из просоветской Парижской газеты "Русские Новости" ("Тайны выцветших строк" № 840 и "Конец "бредного скопища" № 842), мы считаем не лишним обратить внимание наших читателей на следующее:

- 1) - просоветское направление газеты, безусловно, диктует направление и ее сотрудникам, откуда вытекают некоторые тенденциозные выводы, выведенные на исторической канве древних документов;
- 2) - колоссальное количество исторических документов или "дел" - более 140 миллионов! - в большинстве еще не исследованных, и разница в хранении этих документов: одни тщательно сохраняются, а другие находятся в крайнем запустении;
- 3) - чрезвычайная осторожность автора книги, о которой идет речь в двух статьях А. Дедова ("Тайны выцветших строк" Романа Пересветова, Детгиз, 1961, Москва), повидимому, не пытавшегося более ранними делами, чем в царствование первого царя Московского Ивана I Грозного, а в Московских архивах находятся Дела времен великого князя Московского Ивана III (деда Грозного) и даже вел. кн. Ивана I - отца вел. кн. Дмитрия Ивановича, по прозвищу "Донского", т.е. до 1340 года. Но эти документы крайне невыгодны для Москвы любого режима и окраски: там говорится об

независимом и совершенно отдельном Казачьем Народе, не имевшем никаких родственных или племенных связей с тогдашней Московией, позднее ставшей Московской Русью и наконец Россией.

По выражению одного западного философа - "историю делают не события, а историки", а в этом деле Великорусские историки-шовинисты имеют пальму первенства, вплоть до совершенно абсурдных утверждений, лишь бы все эти выдумки и подтасовки служили гегемонии Москвы и доминирующего Русского (т.е. Великорусского или Московитского) народа... В этом отношении "на Русском фронте без перемен" политика Имперского правительства по искажению исторических данных, касающихся истории Порабощенных Москвой всех времен народов, также ревностно продолжается и Советской властью, а поэтому приходится весьма критически относиться ко всяким "изысканиям" советских авторов, а тем более к так называемым "историческим романам", в которых зачастую пишется невероятнейшая чепуха, вплоть до полного игнорирования авторами и языка того времени, и нравов, и обычаев, и обстановки. Не даром говорил еще Тимофей Разин (отец Атамана Степана Разина): "На Москве церковей много, да правды нет!"

Редакция "К.Д.С."

"ТАЙНЫ ВЫЦВЕТШИХ СТРОК".

Книге Романа Пересветова: "Тайны выцветших строк", только что вышедшей в Москве (Детгиз, 1961) суждено, по всей вероятности, стать любимым чтением не только молодого поколения нашего времени, но и многих последующих лет: такие рассказы охотно читаются любознательной молодежью всех времен.

Труд Р. Пересветова подробно вводит читателя в мир событий нашей истории, хотя и хорошо известных, но о которых в учебниках лишь кратко упоминается. А некоторые из этих событий только недавно и сделались предметом детального научного исследования, после того как государственные архивные хранилища стали более доступны.

Автор новой книги, очень хорошо оформленной, со множеством лично подобранных иллюстраций, увлекательно рассказывает о гласном государственном архиве, о том, какие находки там были сделаны за последнее время, и какова была судьба некоторых ценнейших документов до того, как их "тайны выцветших строк" вновь увидели свет.

Вот, например, что рассказывается об "Уложении" 1649 года царя Алексея Михайловича, в котором впервые проводилась "суроцкая" идея, чтобы "всяких чинов людям от большого и до меньшого чину суд и расправа была во всех делах всем равна".

Екатерина II, задумав разработать новые законы, захотела взглянуть на подлинник старого "Уложения" и приказала своему генерал-прокурору кн. Вяземскому доставить ей его во дворец.

Озадаченный неожиданным поручением, - рассказывает Р. Пересветов, - принялся Вяземский искать подлинник в архиве Правительствующего сената. Оттуда поспешили донести, что там его нет и никогда не было. Не нашлось никаких следов подлинника и в патриаршей типографии, где Уложение было впервые отпечатано. Тут генерал-прокурора осенила другая догадка: "Уложение" должно быть спрятано под престолом Успенского собора в Кремле. Он слышал, что когда-то там был тайник для важнейших государственных документов. По рас-

Далее царица объясняет свой "праведный гнев и строгость" тем, что запорожцы, "одичав в своих ущелинах и порогах, где первоначально, по способности мест, одна только военная стража учреждена была на отражение татарских набегов, составили из себя мало-по-малу совсем особенное странное и намерениям самого Творца, в размножении рода человеческого, от Него благословенном, противоборствующее политическое сонмище".

Манифест Екатерины II обвиняет запорожцев в том, что они "приобыкли к праздному, холостой и беспечной жизни", осуждает запорожское правило о недопущении на Сечь женщин и утверждает, что "так как такое бытие запорожцев по установленному у них безженству должно было скоро разрушиться, то и стали они принимать без разбора в свое худое общество людей всякого сброда, всякого языка и всякой веры".

До разделов Польши Украина делилась на восточную (с Киевом), входившую в состав Российской империи, и западную (или правобережную), остававшуюся под властью поляков; разделяло их среднее течение Днепра.

В восточной Украине польские помещики лишились своих прав на землю, что ускорило развитие класса украинских землевладельцев: казачья старшина, владевшая и раньше хуторами, стала покупать или захватывать близлежащие земли. В то же время и царское правительство начало "жаловать" пустующие земли старшине, которая управляла краем, избирая из своей среды гетманов, его помощников и вообще всех чинов войсковой власти. Войсковая власть была не только военной, но и административной: край делился на полки и сотни.

Однако, это влиятельное положение украинской старшины вскоре начало вызывать опасение у московского правительства, стремившегося приблизить административное управление Украиной к порядку, существовавшему в самой России. Полное "обрусение" края казалось вполне возможным, если бы по-соседству не существовала Запорожская сечь, куда уходили все недовольные новыми порядками элементы.

В конце XVII века отношения Сечи с Москвою были так плохи, что запорожцы хотели даже в 1701 году, в союзе с крымским ханом, воевать с русским царством, но хан от похода воздержался (по внутренним обстоятельствам ханства).

Петр I, начинавший тогда войну со Швецией, очень желал, - и при том мирными средствами, - наладить с Украиной возможно добрые отношения: в одном его письменном распоряжении о посылке к запорожцам на Сечь доверенного лица, царь приказывал:

- Учинить там командира из бригадиров, кого поумнее, ибо там не все шпагою, но и ртом действовать надлежит.

Однако, несмотря на щедрые царские подарки, кошевой Сечи Гордиенко с 8.000 казаков и почти со всею старшиной перешел на сторону шведов.

Тогда на Сечь был послан с отрядом московского войска полковник Петр Яковлев. Укрепления запорожского казачьего гнезда, при содействии казаков украинского полковника Галагана, были разрушены, а пленные запорожцы казнены. Указом Петра Сечь была уничтожена, а приходящих с повинной запорожцев было разрешено пропускать на родину лишь по-одиночке и без оружия.

Запорожцы, ушедшие с Мазепой и Карлом XII после Полтавской битвы, пытались в 1710 году основать новую Сечь при впадении р. Каменки в Днепр, но в 1711 году и она была разрушена, по повеле-

нию Петра I, гетманом Скоропадским и ген. Бутурлиным. Тогда, с разрешения крымского хана, запорожцы основали новую Сечь в Алешках.

Служа хану под командой его сераскиров, запорожцы сохраняли свое старое внутреннее устройство. Однако, притеснения со стороны татар и ногайцев породили скоро (в 1716-1717 г.г.) среди казаков мысль о примирении с русским правительством. При Петре I все попытки этого рода были безуспешны, и лишь в короткое царствование (1727-1730) малолетнего Петра II петербургское правительство, нуждаясь в охране границ, стало "подавать надежду" запорожцам на примирение, которое и состоялось при Анне Иоановне в 1733 году. Произошло это опять не без "измены" - на этот раз, крымскому хану: получив от него приказ двинуться в Польшу - на помощь враждебному России польскому королю Станиславу Лещинскому, - сечевики поднялись по Днепру и, по соглашению с Петербургом, основали новую Сечь - в восьми верстах от старого Запорожья.

В Крыму готовилась тогда война против России - и запорожцы не желали помогать татарам и полякам против русских. Во время войны они оказывали постоянную помощь русской армии, производили глубокую разведку в степи и нападали на отряды татарской конницы.

Взяв на себя обязанность сторожевой службы (против татар), запорожские сечевики заняли старые земли, которые теперь по-новому были разбиты на округа - или паланки, - по традиции управлявшиеся выборными полковниками. Самая Сечь состояла из 38 куреней-подков с выборной старшиной во главе.

Положение восстановленной таким образом в 1733 году Запорожской сечи было, все-же, непрочное: русское правительство относилось к ней с недоверием и уже в 1736 году построило внутри самой Сечи укрепление (Кодак) с постоянным русским гарнизоном.

Не мало недоразумений было из-за начавшегося здесь устройства новых "мирных" поселений: запорожцы считали всю землю в Запорожье своей собственностью, а русское правительство считало себя вправе "жаловать" ее другим лицам.

Была и еще одна важная причина недоверия Петербурга к Запорожью.

В западной части Украины, остававшейся под польской властью, в начале XVIII в. было восстановлено польское помещичье хозяйство и значительно возрос вывоз хлеба. Поэтому помещики расширяли посевы на своих землях и увеличивали работу крестьян на своих полях. Появилось стремление помещиков отбирать у крестьян всю годную для обработки землю и весь необходимый для этого скот. Однако, полному укреплению польского господства в западно-украинских землях попрежнему препятствовали народные восстания, традиционно поддерживаемые из Сечи. Крестьяне и казаки, участвовавшие в этих кровавых восстаниях, получили название гайдамаков.

Первое крупное восстание гайдамаков, с большой быстротой охватившее всю польскую (правобережную) часть Украины, произошло в 1734 году. Левобережная украинская старшина и русское правительство, боявшиеся крестьянского движения, всполошились. Из Петербурга было получено распоряжение русским войскам - принять участие в подавлении польскими властями восстания гайдамаков. Но гайдамаки получали активную поддержку в Сечи и из Сечи... Отсюда - обострение взаимного друг к другу недоверия москалей и запорожцев.

Петербургское правительство в течение XVIII века несколько раз отменяло звание выборного украинского гетмана, заменяя его "малороссийской коллегией" из присланных из России генералов и

офицеров. Окончательно гетманство было упразднено в 1764 году, при Екатерине II.

В 1771 году войска князя Долгорукова, во время I-ой русско-турецкой войны овладели Крымом, а по Кучук-Кайнарджийскому миру, закончившему эту войну (1774 г.), - все татары, жившие на северных берегах Черного моря и по берегам Азовского моря, признавались независимыми от турецкого султана. По этому же договору Россия получила крепости Азов, Керчь и Кинбурн, - иначе говоря: Керченский пролив и устья рек Дона, Буга и Днепра.

Таким образом, с уничтожением угрозы со стороны Крыма, отпала необходимость в сторожевой службе Запорожской сечи.

Что же там происходило в это время?

Мы рассказали по новой книге Р.Т. Пересветова, как был найден А. Скальковским архив "вельможного коша Запорожского".

Большинство найденных им в Екатеринославе документов относилось к последнему периоду существования Сечи, когда ее атаманом был ставленник казачьей верхушки, один из самых богатых казаков, Петр Калнишевский.

- По уцелевшим в архиве документам, - пишет Р. Пересветов, - можно проследить, как этот кряжистый "Калныш" крепко держался за власть и, угождая казакам-богачам (их называли "сивоусами"), выслуживался также и перед царицей. Еще будучи есаулом, во главе карательного отряда Калнишевский носился по степям и балкам, разыскивая скрывавшихся там гайдамаков. Наскочив однажды, на берегу Буга, на замаскированное камышами укрепленное гайдамацкое гнездо, он истребил всех притаившихся в нем беглецов.

Занимая затем пост войскового судьи, Калнишевский не раз ездил в столицу хлопотать о возвращении запорожцам их "древних земель". В этом и сам он был сильно заинтересован: на запорожских землях паслись и его многочисленные табуны и стада.

В 1762 году на общевойсковой раде, по предложению "сивоусых", он в первый раз был избран кошевым атаманом.

- У запорожцев такие дела решались просто, - читаем в отчетной книге. - Шумливая "сироман" (так звали на Сечи бедняцкую часть казачества) голосовала подбрасыванием шапок - попробуй сосчитай!

Через два года Калнишевский снова получил атаманскую булаву, а затем его выбирали десять лет сряду, "чего до тех пор в коше из веку веков не было".

Насколько эти вольные выборы отвечали действительности, видно из сохранившихся в делах кошевого архива донесений самого Калнишевского.

В 1768 году в Сечи вспыхнуло возмущение: рядовые казаки-сироманхи захватили войсковые литавры и, барабана по ним, подняли тревогу. Сбежавшие со всех куреней запорожцы овладели пушкарней, заменявшей на Сечи тюрьму, и, освободив прикованных цепями к пушкам гайдамаков, стали грабить дома казачьей старшины, в том числе и "модные покои" - господского типа рубленую "хату" самого Калнишевского, а также принадлежавшие ему амбары, ломившиеся от всякого добра.

В доме кошевого атамана, как видно из составленного им самим списка понесенных убытков, запорожцы и гайдамаки перебили все стекла, хрустальную и фарфоровую посуду и даже печные изразцы; переломали дорогую мебель (одних стульев было больше полусотни: по этой цифре можно судить о размерах атаманской "хаты"); изрезали ковры и выбросили из шкафов и сундуков весь его роскошный гарде-

роб (крытые красным бархатом волчьи и лисьи шубы, расшитые кафтаны, позолоченные пояса, 23 пары сапог) и дорогое оружие (множество пистолетов и сабель в драгоценной оправе).

Сам Калнишевский спрятался на чердаке и, переодевшись там в монашескую рясу, убежал "через верх потолочный" в заросшие камышем днепровские плавни, откуда пробрался, с наступлением темноты, в русское укрепление Кодак и донес коменданту его, что "сироманхи начали бунт для того, чтоб кошевого и старшину войсковую, нынешнюю и прежде бывшую, и достойных казаков всех побить до смерти".

Вместе с русским комендантом Калнишевский выработал хитроумный план подавления восстания: дав убежище в Кодак атаманам куреней и всем не примкнувшим к "сироманам" казакам, направить к восставшим русского офицера с предложением выбрать другого кошевого - и прекратить буйство. Уловка удалась: избрав нового атамана, сироманхи согласились "разойтись по куреням". Тогда прежний кошевой пользовался этим и напал на Сечь. Была пущена в ход взятая из русского укрепления артиллерия: верные Калнишевскому казаки ворвались в Сечь и стали "палить по всем вулицам и по сторонам". Теперь уже сироманхам пришлось убежать в плавни, но при этом, - как рапортовал русский комендант, - "их было побито до смерти немалое число".

После этого Калнишевский отнял у вновь избранного кошевого атаманскую булаву и стал править Сечью по-прежнему. В Россию же он послал секретную просьбу "держат в Запорожье не менее двух полков регулярного войска".

В Петербурге, где уже ожидалась война с Турцией, действия Калнишевского, по видимому, получили полное одобрение. Узнав, что пробравшимся к запорожцам эмиссарам султана не удалось склонить их к измене, Екатерина II поспешила выразить казакам в специальной грамоте свое благоволение.

В 1769 г. началась война с Турцией. В это время проявилось сильное недовольство в Корсунском курене, которое было подавлено ген. Паниным, отправившим, по просьбе Калнишевского, виновников движения в Сибирь.

Это не помешало запорожцам вновь блеснуть своими воинскими доблестями в кровавых схватках с ворвавшимися в приднепровские степи крымцами: запорожцы своими самоотверженными смелыми набегами не давали противнику ударить в тыл русской армии, громившей тюрк по Дунаю и за Дунаем.

За свою службу запорожцы получили всяческие знаки благоволения из Петербурга. Граф Павел Панин, князь Прозоровский и другие виднейшие военачальники, в знак своего особого уважения к войску Запорожскому, просили записать их в казачьи курени. Заявления эти особенно тщательно хранились в войсковом архиве. Была среди них и просьба бывшего в то время еще генерал-майором Г.А. Потемкина, будущего фаворита Екатерины II и первого генерал-губернатора нового Новороссийского края.

- Милостивый батюшка, Петр Иванович, - писал Калнишевскому будущий светлейший князь Таврический, прося о зачислении его "братчиком" в запорожский реестр.

Просьба была удовлетворена по всем правилам, даже с соблюдением установившегося у запорожцев обычая давать записавшимся новым прозвища. (Прозвища эти выбирались чаще всего по внешним признакам: повредившего нос в драке называли, например, Перебийнос; ходившему в рваном кафтане, через который просвечивало нагое тело, давали кличку Голопуца, и т.п. Иногда, в насмешку, долговазого

прозывали Малихой, а низкорослого - Махиной).

Григорий Потемкин, носивший взбитый парик с буклями и поэтому, по мнению запорожцев, никогда не причесывавшийся, был записан под именем Грицька Нечеса. Он попал в Кушевский курень, - тот самый, в котором состоял и Калнишевский.

Новороссийский генерал-губернатор Потемкин и кошевой атаман Запорожский Калнишевский, как соседи и однокуренцы, часто обменивались любезными посланиями и подарками. Но став соседом Запорожья, Потемкин мог лучше ознакомиться с тем, что происходило на Сечи, где было очень беспокойно и все чаще появлялись признаки глубокой деморализации: выбранная войсковая власть не сменялась более десяти лет, а когда сечевики выражали недовольство, то для подавления волнений кошевой атаман прибегал к помощи русских солдат, что еще более ухудшало внутреннее положение у сечевиков.

Волнения в Запорожье тревожили Петербург. При этом необходимо иметь в виду, что в эти же годы русское правительство было занято ликвидацией крестьянского движения (под предводительством Пугачева), охватившего все Приволжье и Приуралье.

С присоединением Крыма и северных берегов Черного и Азовского морей России предстояло закрепить за собою обширные, никем не заселенные пространства плодородной земли и морской берег, обладавший хорошими бухтами и гаванями, замирить и заселить их. Но появление здесь русских укреплений, русских солдат и переселенцев, запорожцы считали покушением на их вольность и владения. Калнишевский ездил сам и снаряжал депутации в Петербург и Москву, настойчиво добиваясь возвращения казакам отчужденных земель. Однако жалобы запорожцев не встречали там сочувствия. Сечь утратила свое значение. Екатериненские вельможи смотрели на нее теперь, как на "разбойничий притон", постоянный очаг волнений и беспокойств, и сами были не прочь получить в "пожалование" от щедрой царицы плодородные запорожские земли.

- Напрасно, - освещает Р.Т.Пересветов этот исторический момент "тайнами выцветших строк" запорожского архива, - напрасно очередная запорожская депутация привезла в подарок своему ходатаю перед императрицей "братчику" Грицьку Нечесе великолепного темногнедого коня с золототканым чепраком и серебряными стремями. Трудно было теперь задобрить конем высокого сановника. В качестве генерал-губернатора соседнего с Сечью Новороссийского края, Потемкин знал обо всех ссорах, происходивших между жителями этого края и запорожцами. Но виновниками этих ссор он считал только запорожцев.

Последнее из сохранившихся в кошевом архиве писем Потемкина Калнишевскому своим суровым тоном резко отличается от всех предыдущих. Перечисляя "несносные обиды и огорчения", нанесенные запорожцами жителям вверенного ему нового края "светлейший" грозит донести о них Екатерине.

По представлению Потемкина Екатерина II поручила ему же уничтожить Сечь.

Запорожцы, принимавшие участие в войне с Турцией, не все еще успели вернуться домой, когда корпус ген.Текели, тоже возвращавшийся с театра военных действий, неожиданно повернул на Сечь. Маневр был проведен быстро и держался в строгой тайне.

Как видно из находящегося в другом архиве донесения Текели от 6 июня 1775 года, он приказал своим войскам двигаться "скорейшим маршем", чтобы "кошевой Калнишевский и писарь Глоба уйти не

могли" и дабы "спокойно и без кровопролития кончить". Корпус был разделен на пять отрядов, и они подошли к Сечи пятью колоннами. Сам Текели, с главной колонной, пошел прямо на Сечь и навел на нее жерла своих пушек.

Ничего не подозревавшие Запорожцы мирно спали по своим куреням; даже часовые около пушек дремали. Только в самом коше, где было более трех тысяч казаков, при приближении русских солдат подняли тревогу, но "увидя, что не было средств к утечке, - как писал Текели в донесении, - сдались без сопротивления".

Генерал тотчас же потребовал к себе кошевого Калнишевского, войскового писаря Ивана Глобу и войскового судью Павла Головатого. Только они трое и были взяты под караул для препровождения в Москву.

5 августа того же 1775 года был издан высочайший манифест об уничтожении Сечи, первые строки которого приведены в начале этой статьи. В манифесте этом Сечь называлась "вредным скопищем" и перечислялись вины запорожцев, начавших "в самое новейшее время гораздо далеко простирать свою дерзость". Главной их виной считалось намерение "составить из себя посреди отечества область, совершенно независимую, под собственным своим неистовым управлением".

Рядовым запорожцам было разрешено либо обратиться на месте, в Запорожье, в "мирных поселян", либо вернуться туда, откуда они пришли в Сечь.

- Но большинство сиромых не воспользовались этой "милостью", - читаем в книге Р.Пересветова. - Не желая превращаться ни в помещичьих крепостных на своих же запорожских землях, ни в армейских солдат, больше пяти тысяч казаков отправились на заработки. Одним им известным, скрытым путем они ночью тайно пробрались к Днепру, сели в спрятанные в камышах лодки и махнули за Дунай к туркам.

Почти сейчас же после манифеста Екатерины II, началось щедрое "пожалование" ею запорожских земель, участками от 1.500 до 15.000 десятин, причем Потемкин, кн.Прозоровский и кн.Вяземский получили каждый приблизительно по 100.000 десятин.

О судьбе отправленных под конвоем в Москву кошевого атамана и его ближайших сотрудников в запорожском архиве не оказалось никаких документов. А.Скальковский наводил о них справки в разных местах, но так и не смог ничего выяснить документально. И лишь почти сто лет спустя после ареста Калнишевского, в архиве Соловецкого монастыря, обнаружена была докладная записка Потемкина на имя Екатерины II (о ней опубликовал в журнале "Русская старина" за 1875 г. П.С.Ефименко).

Числившийся в куренных списках Запорожского войска под именем Грицька Нечеса, еще за год до того называвший себя в письмах к кошевому атаману "вашей вельможности, милостивого батька, всегда готовый слуга", Потемкин в этой докладной записке напоминал Екатерине, что ей "известны все дерзновенные проступки бывшего Сечи Запорожской кошевого Петра Калнишевского и его сообщников: войскового судьи Павла Головатого и писаря Ивана Глобы", и, не находя "ни малейшей надобности приступать к каким-либо расследованиям", утверждал, что за свои "преступления" они все трое заслужили "по всей справедливости смертную казнь", но тут же добавлял, что, в порядке царского милосердия, не "благоугодно-ли будет царице "отправить на вечное содержание в монастыри: кошевого - в Соловецкий, а прочих - в сибирские". На этом докладе Екатерина II на-

писала: "Быть по сему".

Тогда же была найдена на Соловках и забытая могила Калнишевского - с надгробной надписью на каменной плите, что под ней похоронено тело "кошевого атамана бывшей некогда Запорожской грозной Сечи". В надписи сообщалось также о том, что кошевой был сослан в Соловки в 1776 году "на смирение" по повелению императрицы Екатерины II и освобожден в 1801 г., т.е. через 25 лет, но не пожелал оставить монастырь, где и умер 23 октября 1803 года - 112 лет от роду.

("Русские Новости" № 840 и 842).

А.Дедов.

=====

"Катерина, вражья баба,
Что ж ты нарбила? -
Край веселый, степь широку
Тай занастила!"...

"А вже лит билыш двисти,
Як казак в неволи,
По над Днипром ходи,
Выкликае долю:
-Гей! Вийди, доле, из воды,-
Вызовль мене, серденько, из биды!-
-Не вийду, казаче,
Не вийду, соколе,
Ой, рада б я вийти,
Та сама в неволи,-
Ой, у неволи, у ярми -
Пид Московским караулом у тюрми.-
А вже кинь у плузи,
А казак за плугом
По над Днипром ходи,
Выкликае долю.
Гей, казаче! Бери ниж:
Де спобачиш вороженька, там и риж! "

=====

КУЛЬТУРА КАЗАЧЬЕГО НАРОДА.

Каждый народ, в какой бы степени первобытного развития он не находился, обладает своей собственной культурой, присущей только ему одному.

Культура складывается из многих камней народного творчества, главнейшими из которых являются: наречие и язык, народный эпос (былины, сказки, песни и проч.), обычаи или традиции, обряды религиозные и гражданские и, наконец, грамотность.

Грамотность является первой ступенью народной цивилизации, расширяющей пределы культурности данного народа.

Каждый народ выковывает постепенно свою культуру и цивилизацию в зависимости от обстановки, которая накладывает своеобразный отпечаток и на психологию народа, и на его творчество, и на его

развитие.

Под влиянием обстоятельств, вызванных международными событиями (переселениями, войнами, подпаданием одного народа в зависимость от другого в результате поражения в битвах, соседством с более культурно-развитыми народами), большинство народов на земном шаре смешали свою собственную культуру с таковой других народов. Но, несмотря ни на какие обстоятельства, своеобразный отпечаток данного народа всегда сохраняется, в большей или меньшей степени, главным образом в народной толще.

Без первобытного народного творчества не может быть ни культуры, ни тем более цивилизации.

"В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово", - говорится в Св.Писании.

Слово отличает человека от других земных тварей. Собрание слов, более или менее комплектное, составляет наречие, т.е. первую ступень к образованию своего, народного языка.

Под влиянием внешних обстоятельств многие наречия не получают достаточного развития, которое требуется для признания наречия языком. Язык есть наречие, получившее признание государственности, доминирующего значения у данного народа. Первоначально количество слов наречия, завоевавшего себе признание государственного значения, бывает довольно-таки ограниченным, но со временем это господствующее наречие, ставшее государственным языком, принимает в свой состав отдельные слова из наречий других народов, входящих по тем или иным причинам в данное государство, а также пользуется и словами соседних народов для обозначения понятий, для определения которых не находит у себя подходящих слов. Эти иностранные, чужие слова или "варваризмы" находятся в составе всех языков на земном шаре, в большей или меньшей степени. Из всех народов наибольшее количество "варваризмов" было воспринято Великоросами, благодаря чему и получился современный "русский" язык, мало имеющий общего с чисто-великорусским языком XII и даже XVII веков.

Всё же наличие языка (т.е. наречия, ставшего государственным, доминирующим) не может быть исключительно-единственным фактором культуры. Для развития культуры данного народа необходим прежде всего народный эпос, т.е.: былины-легенды, песни, сказки, пословицы, поговорки и, наконец, анекдоты. Но народный эпос творится обычно везде и всюду не на государственном языке, а на наречии, так как государственный язык не всегда бывает выразителем подлинной психологии народа, его чувств и тем более его фольклорических особенностей.

Фактически государственный язык опирается только лишь на грамотность и известную долю обрядов религиозных и гражданских.

В наше время проявляется сильная тенденция к развитию местных (локальных) наречий, не получивших права государственного значения в прежние времена.

В Российской империи подлежали гонению не только местные наречия, но даже и языки, уже завоевавшие себе государственное значение. Достаточно указать на примеры воспрещения распространять печатным способом украинского, белорусского и татарского языков. И только в начале XX века эти ограничения стали ослабевать и, наконец, для некоторых наречий последовало признание народным (т.е. государственного значения) языком.

Всё же, как в империи Российской, так и в империи Советской, правительства Москвы весьма неохотно шли на уступки подвластным

им народам в отношении признания за ними прав на собственный язык и культуру (уж не говоря о цивилизации!).

Тогда, как во Франции введено обязательное изучение местных наречий (диалектов) и даже сдавание экзаменов по знанию этих наречий при местных высших учебных заведениях, - ни в царской, ни в советской России ничего подобного не было и нет и до сих пор, а наоборот - проводится усиленная и ничем не прикрываемая "руссофикация" всех подвластных Москве народов.

Несмотря на подобное отношение "серренфолька" (доминирующего, господствующего народа), к их наречиям, языкам и культуре, - подвластные Москве народы продолжают сохранять свои особенности и в наречии, и в народном эпосе, и в обычаях, и в обрядах.

Две волны иммиграции в Свободный Мир из-за "железного занавеса" принесли с собой в чужие страны светочи своей собственной культуры.

И вот здесь, в странах Свободного Мира, началась глухая борьба между Великокоросской иммиграцией и иммиграцией поработанных Москвой Народов. Эта борьба ведется всякими способами. Атаки ведутся на разных фронтах: и на политическом, и на культурном, и на историческом.

В частности, на культурном фронте два народа славянского происхождения уже одержали большую победу над Великорусскими: украинский и белорусский языки уже не находят противников среди Великорусско-эмигрантов, разве только среди каких-либо закоснелых ультра-шовинистов.

Нужно ли говорить, что, как Украинцы, так и Белорусы, за границей усиленно развивают свою культурную деятельность, издавая не только общественно-политические периодические издания, но и много исключительно культурных изданий научного характера для просвещения своего собственного народа и для ознакомления иностранцев со своими культурными достижениями. Точно так же и иммигранты других народов, поработанных Москвой, за границей развивают культурную деятельность на благо своих народов.

И только казачья иммиграция очень мало делает на культурном фронте, всецело обратившись на внутренний общественно-политический фронт, в ущерб своей собственной культуре и цивилизации.

Конечно, исторические пути Казачьего Народа и его непосредственных соседей со всех сторон резко отличаются друг от друга. Тогда, как соседи имели, хотя и небольшие, исторические промежутки относительного спокойствия, способствующего развитию культуры и, наконец, цивилизации, - Казачий Народ на протяжении почти всего текущего тысячелетия вынужден был с оружием в руках отстаивать свое существование от всевозможных неприятелей, сначала - с востока и юга, а потом - с запада и, наконец, с севера. За всё это время Казачьи Земли неоднократно подвергались оккупации неприятелем. Но, несмотря на все эти лишения, Казачий Народ устоял исторически и этнически и в народной толще сохранил зачатки КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЫ.

Ныне, находясь за границей, казалось бы казачьей иммиграции следовало бы обратить серьезное внимание на недостаток культурного развития Казачьего Народа и постараться использовать этот небольшой момент исторического "спокойствия", дабы упрочить устои своей собственной культуры, столь необходимой для народа, добивающегося своей полной независимости от кого бы то ни было.

И как это ни странно, в этот, столь нужный момент, как раз,

так называемая, "казачья элита" или интеллигенция не проявляет ни малейшей склонности (за очень малым счастливым исключением) приняться за возрождение КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЫ и очищение ее от всего чужого, наносного, обезличивающего КАЗАЧЬЕ ИМЯ.

Да этого еще и мало! Находятся казачьи интеллигенты, не скрывающие своего пораженческого мнения о том, что якобы "Казачи еще не доросли до своей культуры"!.. Было бы простительно подобное пораженчество людям не умудренным ни житейским опытом, ни образованием. К глубокому сожалению это не так и именно казачьи "интеллигенты" занимаются пораженчеством, тогда как народная толща - простые Казаки, инстинктивно чувствуя свое - родное, всячески старательно цепляются за обломки древней казачьей культуры, храня ее у себя, в тайниках души простецкой.

Известный Окситанский (южная область Франции) поэт Фридерик Мистраль в своих мемуарах и рассказах ("Mes origines", page 120) повествует нам:

"Руманвиль и я, - считая, что для того, чтобы писать наши стихи на народном наречии, сначала необходимо осветить, оценить энергию, прямоту, богатство изъяснений, которые его характеризуют, - столковались писать наречием чистым и таким, каким говорят в низах, избавленных от постороннего влияния. Это - точно так же, как Римляне, - как нам повествует поэт Александри, - когда они хотели возродить их национальный язык, который городские классы растеряли или испортили, шли на поиски на равнины и горы, к земледельцам наименее культурным." (Всё подчеркнуто мною. П.К.).

Так поступали (и поступают!) истинные народные патриоты, работающие для блага своего народа.

Одним из небольших камней казачьей культуры в отделе народного устного творчества является специальный народный юмор, заключающийся в "дражнении" станиц.

Находятся среди казачьей интеллигенции противники и этой отрасли народного творчества, под предлогом, что этим "выставляются на показ недостойные стороны казачьего быта".

Что это далеко не так - видно из того, что "дражнение" станиц (сел и городов) не является "привилегией" только Казачьего Народа. Достаточно указать на замечательный исторический роман бельгийского писателя Шарля де Костера - "Библия Бельгии" или "Тиль Уленспигель", в котором указывается целый ряд "дражнений" городов Бельгии.

Мне известны образцы "дражнения" сел и даже хуторов на юге Франции. В частности, одно большое село "дражнют" - "лягушатней", а жителей - "лягушками". В другом месте - большой хутор имеет прозвище - "Турции", а жители называются "турками", хотя ничего общего ни с Турцией, ни с турками они не имеют.

Объяснение простое: село лежит в низине, с камышами и тучами мошкеры и комаров, что, разумеется, способствует наличию лягушек всех сортов и размеров. А "Турция" означает просто: хутор "сильных", так как по французски существует определение - "fort comme le turc" (силен, как турок). Жители хутора, действительно, сильные и упористые люди.

И вот, - то, что в других странах (да еще и цивилизованных!) признается (и даже поощряется), как народное творчество, - то же самое отвергается казачьими интеллигентами! Ну, не ирония-ли судьбы?...

Несмотря на подобное пораженчество со стороны своих же ка-

зачьих интеллигентов, "Казачий Литературный Сборник" будет продолжать борьбу за возрождение Казачьей культуры, народного творчества Казачьей литературы и научных трудов, твердо веря, что всё это служит залогом Свободы и Независимости нашего родного Казачьего Народа!

П.Ф.Крюков.

=====

КАЗАЧЬИ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ.

ПЕСНИ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ.

1.

КУБАНСКИЙ ВОЙСКОВОЙ ГИМН.

Ты, Кубань, Ты, наша Родина,
Вековой наш богатырь!
Многоводная, раздольная -
Разлилась Ты вдоль и вширь.
Иа далеких стран полуденных,
Из Турецкой стороны
Вьем челом Тебе, Родимая,
Твои верные сыны.
О Тебе здесь вспоминаючи
Песни дружно мы поём -
Про Твои станицы вольные,
Про родной отцовский дом.
О Тебе здесь вспоминаючи,
Как о матери родной,-
На врага на басурманина
Мы идем на смертный бой.
О Тебе здесь вспоминаючи -
За Тебя-ль не постоять,
За Твою-ли Славу старую
Жизнь свою-ли не отдать?..
И как дань Тебе покорную
От прославленных знамен -
Шлем Тебе, Кубань Родимая,
До сырой земли поклон!

2.

Полно вам, снежочки, во талой земле лежать;
Полно вам, казаченьки, горе горевать.
Остаим тоску-печаль во тёмных во лесах,
Будем привыкать к чужой дальней стороне,
Будем привыкать к чужой дальней стороне,
Будем уважать чужой молодой жене.
С девками, с молодками нам полно гулять,
Перинки, подушечки пора нам забывать.
Только не забыть нам про добрых лошадей:
Чтоб наши лошадушки осёдланы были;

Чтоб наши лошадушки осёдланы были,
Чтоб наши винтовочки заряжены были.
Славные Кубанцы! Не бойтесь ничего!
Есть у нас, ребяташки, крупа и мука.
Есть у нас, ребяташки, крупа и мука -
Кашицы наворим, мягких хлебов напекём,
Сложимся по денежке - за водочкой пошлём.
Выпьем мы по рюмочке - подзавтракаем,
Выпьем по другой - разговоры заведём.
Выпьем по другой - разговоры заведём,
Выпьем мы по третьей - с горя песни запоём.

3.

Там, где волны Аракса шумят -
Там посты пластунов по границам стоят.
Сторонись ты дорожки той!
Стой! Конный, пеший - не пройдёшь живой!
Только месяц на небо взойдёт -
Злой татарин идёт с контрабандою в брод.
Сторонись ты дорожки той!
Стой! Конный, пеший - не пройдёшь живой!
Грозно выстрел в горах прозвучал,
Злой татарин упал - контрабанду отдал.
Сторонись ты дорожки той!
Стой! Конный, пеший - не пройдёшь живой!
На посты к нам монашка пришла -
Она сборы вела на святые дела.
Сторонись ты дорожки той!
Стой! Конный, пеший - не пройдёшь живой!
Через год между гор, между скал
Труп монашки сыскал кровожадный шакал.
Сторонись ты дорожки той!
Стой! Конный, пеший - не пройдёшь живой!

ЧЕРНОМОРСКИЕ КАЗАЧЬИ ПЕСНИ.

1.

Черна хмара наступае,
Дрибный дощик з неба:
Розигнали Запорижцев -
Кому съ було треба.
Ой, годи ж нам, Черноморци,
Худобу плодити, -
Запрягайте воли в возы:
Идемо на Кубань жити!
Идутъ, идутъ Черноморци -
Назад ноги гнутся,
Ой, як глянут в ридный край -
З очей слезы льются.

2.

Гей, ну-те, хлопцы, славны молодцы,
Чего смутни, не весели, -

Хиба в шинкарки мало горилки,
 Пива и меду не стало?
 Пивний чарн всим наливайте,
 Щоб через виця лилося,
 Щоб наша доля нас не цуралась,
 Щоб краше в свити жилося!

3.

Ревут, стогнут горн-хвили
 В синесеньком море,
 Плачут, тужат казаченьки
 В Турецкий неволи.
 А вже роки, як в кайданих
 Терпим тяжки муки.
 За що ж, Боже Милосердний,
 Нам послав ти муки?
 Гей, ви, хлопци-Запорожци,
 Сини славної Воли!
 Чом не йдете визволяти
 Нас з тяжкий неволи?..

4.

Ой, сив пугач на могили,
 Та крикнув син "пу-гу"!
 Чи ни даст Бог казаченькам
 На ворога потугу?
 Наши шабли заржавили,
 Мушкети без куркив,
 А ще сердце казацкое
 Не боится туркив.
 Ой, колись ми панували,
 А тепирь не будем,
 Та Московської лютотой хмарн
 По вик не забудем.
 Наихали комисари,
 Руйнуют станицы,
 Забирают наше добро,
 Це бьют нас з ружници...

----- Эти 4 песни сообщил Д.Братчиков. -----

ПЕСНИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ.

I.

Как на славных на степях было Саратовских,
 Что пониже городка Саратова,
 Да повыше городка Камышина.
 Собирались там, братцы, казаки,
 Они - люди вольные.
 Собирались они, братцы, во единый круг:
 Всё Донские, Гребенские, казаки Лицкаи.
 Во кругу то они, братцы, стоять - думу думают:
 -Ну, кому то из нас, братцы, атаманом быть?-

-Ды атаманом то у нас быть Ермаку сыну Тимофееву,
 А есаулом то у нас быть Асташке сыну Лаврентьеву.
 Как старик то Ермак, дик он, братцы, не глупой казак:
 Ды как он речь то возговорит - ровно во трубу трубит.-

2.

Как на славных на степях было Саратовских,
 Что пониже было города Саратова,
 А повыше города Камышина.
 Собирались казаки-друзи, люди вольные,
 Собирались они, братцы, во единый круг:
 Как Донские, Гребенские и Лицкие.
 Атаман у них - Ермак, сын Тимофеевич,
 Есаул у них - Асташка, сын Лаврентьевич.
 Они думали думушку всё единую:
 -Уж как лето проходить, лето тёплое,
 А зима то настанет, братцы, холодная.
 Как и где то нам, братцы, зимовать будет?
 На Яик идти - переход велик,
 А на Волге ходить - нам всё ворами слить,
 Под Казань-град идти - да там царь стоять,
 Как Грозный то царь Иван Васильевич;
 У него там силы много-множество,-
 Да тебе Ермаку быть там повешену,
 А нам казакам быть переловленным,
 Да по крепким то тюрьмам порассаженным.-
 Как не золотая трубушка вострубила,
 Не серебрянная речь громко возговорила -
 Речь возговорит Ермак сын Тимофеевич:
 -Гей, вы думайте, братцы, вы подумайте,
 И меня Ермака вы, братцы, послушайте:
 Зазимую мы, братцы, всё в Астрахани,
 А зимой мы, братцы, поиспразимся,
 А как вскрыется весна красная -
 Мы тогда то, други-братцы, во поход пойдём.
 Мы заслужим перед Грозным царём вину свою:
 Как гуляли мы, братцы, по синю морю,
 Да по синю морю по Хвалынскому,
 Разбивали мы, братцы, бусн-корабли.
 Как и те те корабли, братцы, не орлёны,
 Мы убили посланничка не царского -
 Как того то посланничка Персидского.-

***

Как во славном было городе во Астрахани,
 На широкой, на ровной было площади,
 Собирались казаки-друзи во единый круг,
 Они думали думу крепкую,
 Да и крепкую думушку единую:
 -Как зима то проходит всё холодная,
 Как лето настаёт, братцы, лето тёплое,
 Да пора уж нам, братцы, во поход итить.-
 Речь возговорил Ермак Тимофеевич:
 -Ой, вы гой еси, братцы Атаманы-молоды!
 Эй, вы делайте лодочки коломенки,

Забивайте вы кочета словне,
 Накладайте бабаички сосноне.
 Мы поедемте, братцы, с Божьей помочью,
 Мы пригрянем, братцы, вверху по Волге реке,
 Перейдёмте вы, братцы, горы крутые,
 Доберёмся мы до царства басурманского,
 Завоюем мы царство Сибирское,
 Покорим его мы, братцы, царю Белому,
 А царя то Кучума во полон возьмём.
 И зато то государь-царь нас пожалует.
 Я тогда то пойду сам ко Белому царю:
 Я надену тогда шубу соболиную,
 Я возьму кунью шапочку под мышечку,
 Принесу я царю Белому погинную:
 Ой, ты гой еси, надежа православный царь!
 Не вели меня казнить, да вели речь говорить.
 Как и я то Ермак, сын Тимофеевич,
 Как и я то воровскою Донской Атаманушка,
 Как и я то гулял, ведь, по синю морю,
 Что по синю морю, по Хвалынскому,
 Как и я то разбивал буси-корабли,
 Как и те то корабли всё не орлёные,
 А теперича, надежа православный царь,
 Приношу тебе буйную гологушку.-

Эту песню (2-ую с продолжением)
 сообщил нам ст. Н. П. Ивановсков.

3.

Как со славною со восточной со сторонушки
 Протекала бистра речушка - славный Тихий Дон;
 Он прорыл, прокопал, молодец, горы крутые,
 А по правую то сторонушку - леса тёмные.
 На Дону то всё живут, братцы, люди гольные,
 Люди гольные живут то - Донские Казаки.
 Собирались казаки-друзи во единый круг,
 Они стали меж собою да всё дубан делить:
 Как на первый ат пай они клали пятьсот рублей,
 На другой ат пай они клали всю тысячу,
 А на третий становили красну девицу.
 Доставалась красна девица удалу молодцу,
 Удалу молодцу всё Донскому казаку.
 Как растужится, как расплачется добрый молодец:
 - Голова-ль, ты моя, головушка, несчастливая!
 Во бою то, батальце ты наипервая,
 На пак то на дуване ты последняя! -
 Как возговорить красна девица добру молодцу:
 - Ах, не плачь ты, не тужи, удал добрый молодец!
 Я сотку тебе шёлков ковёр в пятьсот рублей,
 А другой ковёр сотку тебе во всю тысячу,
 А третий ат ковёр я сотку, что и сметы нет.

Сообщил Н. П. Ивановсков.

4.

У нас, братцы, на Дону, во Черкасском городе
 Проявилась у нас, братцы, пригожая тума:
 Он из тум, братцы, тума - Сенька Маноцков злодей.
 Крепкой думушки с казаками он не думывал,
 Думывал крепкую он думушку со ярыжками,
 Перекинулся, собака, ко Азовскому паше.
 А Азовский то паша стал его спрашивать:
 - Ты скажи, скажи, приятель, правду истинную:
 Что то думают у вас во Черкасском городе? -
 - Да у нас то на Дону, во Черкасском городе
 Казаки то пьют-гуляют, по беседушкам сидят,
 По беседушкам сидят - про Азов ваш говорят:
 Ой, не дай, Воже, Азовцам ума-разума того -
 Не поставили бы они башенки на усть речки Каланчи,
 Не перекинули бы цепи через славный Тихий Дон,
 Не подвели бы они струны ко звонким колоколам.
 Уж нельзя нам, братцы, будет во Сине море пройтись,
 По Синю морю гулять - зипунов то доставать! -
 Как у нас то было на Дону, во Черкасском городе:
 Войсковой наш Атаман во всю ночушку не спал,
 Как со вечеру сокол наш Роговые проплывал,
 Ко белу свету сокол наш по Синю морю гулял,
 По Синю морю гулял - кораблики разбивал!

Ярыжки - полицейские чины
 в Московии и Турции, занимавши-
 еся также и шпионажем.

Сообщил Н. П. Ивановсков.

Тума - древне-казачье слово,
 означает: изменник, предатель.

5.

Вот бы как на ярочку было, на ярочку,
 Вот бы как на крутеньком было бережочку,
 Вот бы как на жёлтеньком было на песочку,
 Вот бы там молоденький казак,
 Сидел казак ружье чистил.
 Вот бы со ружельницы казак он ржу вытирает
 И про холодную зиму казак вспоминает:
 - Ах, ты, зимушка-зима, зима студёная!
 Вот бы заморозила зима, зима она табун коней.
 Вот бы мне не жалко этих табун коней,
 А мне только жалко было конёчка гнедова,
 Вот бы на котором я молодец службу переслуживал,
 Вот бы на котором я молодец поля перескакивал,
 Вот бы на котором я молодец реки переплавывал.

Сообщил М. А. Калабухов.

От РЕДАКЦИИ: Во всех народных казачьих песнях мы придерживаемся
 орфографии согласно произношению, поскольку это возможно.

6.

Благослови, маменька родная:
 Может я на смерть иду.
 Вот может, может меткая врага винтовочка
 Из-за кустика сразит,
 Вот прилетит ко мне пуля ловкая,
 Сразу череп раздробит,
 Вот кровь польётся алою рекою,
 Шум подымется к небесам.
 Вот с таво шуму, с Турецкого мятежу
 Разные птицы налетят,
 Растерзают мое тело белое,
 Всё по мелким по частям.
 Вот придёт маменька моя родная -
 Кости голые лежать.
 -Что ж ты спишь, дитё мое мученое,
 Что ж не промолвишь слово мне? -
 -Вот я бы рад тебе слово промолвить, -
 Уста кровью запеклись,
 Вот уста кровью запеклись,
 Глаза слезою залились. -

Сообщил М.А.Калабухов.

7.

Вы простите, отец, мать родные,
 Вы простите сына своего,
 Вы считайте денёчки остальные
 И часы гулянья моего.
 Вы подайте мне коня гнедова
 Сы убранным форменным седлом.
 А я сяду на коня гнедова,
 Слезою груди оболью
 И в ту сторонку я младец пушуся,
 Где нет милых, ни родных.
 И Бог знает, когда возвращуся
 Я назад на родину свою.
 Частлив тот, за кем службы нету,
 Он помещиком дома живёт,
 Он с военным дружбы не разделит,
 Он не знает ни горя, ни нужды.

Сообщил М.А.Калабухов.

8.

Песня о полке Тацына № 2.

Вот бы то под славным то было
 Под славным городом Селистром (Силистрия или Систов. РЕДАК.)
 Вот бы там стоял то стоял второй Тацын полк.
 Простоял он три неделюшки,
 Вот бы на четвертую неделю приказ он получил
 Вот бы получивши приказ, он скоро его прочитал.
 Вот бы, чтоб итить то, итить полку Тацыну

Под город под Шумный, (Шумла или Шумен - первоклассная
 Не стёжкой-дорожкой, Турецкая крепость в войну 1877-78г.)
 А итить ему по темным лесам.
 Вот бы как дент то мы ишли, и другой ишли,
 А на третий день мы остановились.
 Вот бы как изделалась в полку большая уронюшка:
 Вот бы как убили то в полку самаго полковничка,
 Вот бы еще убили то в полку семьсот рядовых казаков.
 Вот бы неужли то неужли наши отцы, матери
 По нас Богу не молились?
 Вот бы неужли то неужли наши молодые жёны
 Про нас скоро позабылись?..

2-ой Донской Тацына полк погиб почти полностью по вине главного командования, пославшего его в обход крепости через дремучий лес, где конница вообще не могла действовать; турки окружили полк и почти всех перебили, прорвались только две сотни.

Сообщил М.А.Калабухов.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ.

1.

Невеста с женихом выходят в другую горницу и садятся рядом на сундук, который назначен в приданное невесте, а подружки невесты поют;

Сер заюшка, горностаи молодой!
 Пошто тебя в чистом поле нет?
 Аль у тебя иде привадушка есть?
 Привадушка - камыш травушка,
 Прилучушка - белая ластушка.
 Она меня в камыш траву зазвала,
 Она меня серым зайцем назвала.
 Молоденький Алёша Иванович!
 Пошто тебя долго с вечера нет?
 Аль у тебя иде привадушка есть?
 Привадушка у меня - тестев двор,
 Прилучушка - душа Танюшка!
 Она меня привадила к себе,
 Она меня к себе в гости зазвала,
 Она меня милым другом назвала.

В это время родственники жениха поднимаются и просят сватов-болезных пожаловать в родительский дом жениха на хлеб, на соль, на винную чарку.

Проходя по улицам, свапки со стороны жениха поют:

2.

Два двора да минуочи, в третьем подслушаем,
 В третьем подслушаем, што люди говорят,
 Што люди говорят, мово батюшку бранять:
 Пьяница да пропойца Танюшкин батюшка,

Пропил он Танюшку, пропил Андреевну.

На это отвечают со стороны невесты:

3.

Што люди говорят, мово батюшку хвалить:
Умничек, да разумничек Танюшкин батюшка,
Помолвил Танюшку, помолвил Андреевну
За Алёшеньку свет да Ивановича -
На честное слово, на добрую славу.

4.

Не лебёдушка на заре рано воскрикнула,
Воскричала красна девушка:
Свет ты, моя волюшка,
Свет ты, моя негушка,
У родимой матушки!
Полно солнышку из-за лесу светить,
Полно девушке по своей воле жить!

Жених привозит домой молодую:

5.

Отворяй, маменька, широк двор,
Да вот тебе, маменька, сын на двор,
Да не сам с собою - с женою,
Со своей верною слугою.

Родители невесты въезжают на двор молодого князя со следующей песней:

6.

Выйди, маменька, посмотри,
Што тебе бояре привезли:
Чи корысточку, чи невесточку,
Чи молодую молодаечку.
Сваха - сваху ждала,
Сваха - сваху ждала,
Коврами двор стлала,
Коврами, бобрами,
Чёрными соболями.

Эти 6 песен сообщил Н.П.Ивановсков.

7.

Вчера наши короля воевали,
А нонеча наши королевну взяли.
Вчера наша да Маничка паняночка была,
А нонеча наша да Маничка - молодая княгиня.
Вчера зайка, вчера серый по горочкам бегал,
А нонеча зайка, а нонеча серый - на серебряном блюде.
Да горошик мой, да зелёный, да люблю тебя сестра:
В чистом поле, при дороге и при высоком кургане.

Да ты, Сёмушка, да ты, бравенький, - хорошо тебе жениться -
При всём роде, при народе, при родимом батеньки;
Да ты, Маничка, да ты, бравая, - хорошо тебе замуж итить -
При всём роде, при народе, при родимой маменьки.

8.

Да у нас нонеча ни лета, ни зима,
Да у нас нонеча ни ткуть, ни прядуть,
А только знают - во садику гуляют.
И вот нашли же мы во саду ребёнка,
И вот - кто ж того ребёнка будет кстить?
Обозвался да Ванюшка кумом быть
И не оттоль-неотсоль да Ганюшка кумом.
Да вот у нас - любимые кумовья,
Да вот у нас весёлая беседа
У самова и ближнего соседа.
Пойду-ка я к соседям под окно,
Послушаю, что соседи говорят,
А соседи по соседски говорят -
Мине бабочку ругают и бранят,
Заставляют своего мужа любить,
А своего мужа повек я не люблю,
Расканалью целовать не хочу.
Целовались, миловались годов пять,
А теперя про нас люди говорят;
И брешут люди, что я в хуторе люблю,
А я люблю, люблю на самом на краю.
А еще люблю соседку свою,
Что он ходит мимо двора моего.
И вот мне понравилась походачка его,
Походачка очень частенькая,
А разговоры-слова ласкавай
И словеса его приветливаи,
А глазёначки приметливаи,
Примечают, где бабёночка пойдёт.
Пошла бабочка за балку за телком,
А за ней гонится рассукин сын верхом,
Он верхом, верхом на сером на коне.

9.

Вейнули, вейнули, вейнули ветры по тёмным по лесам;
Пролила, пролила, пролила слёзы по белому лицу.
Я ли молода, я ли молода, я ли молода думы думала одна:
Как мне жить, как мне быть, как привикать ко чужой семье?
Как назвать, как назвать, как назвать - свёкор-батеньку?
Батенька, батенька, батенька - да не родной отец;
Маменька, маменька, маменька - да не родная мать!
Миленький, миленький, миленький да ты, Сёмушка!
Милая моя, милая моя, милая моя да ты, Ганюшка!
Ты ж меня, ты ж меня, ты ж меня призабавила
Ласковыми, ласковыми, ласковыми разговорами!

Эти 3 свадебных песни сообщил И. А. Калабухов.

КАЗАЧИЙ ЮМОР.

"ДРАЖНЕНИЯ" СТАНИЦ.

После разгрома Москвой Запорожской Сечи, много Запорожцев ушло на Дон - к своим братьям - Донским Казакам. Дабы не перечить царским указам - не принимать Запорожцев к себе - Донцы разместили Запорожцев по низовым станицам небольшими группами. Запорожские прозвища были заменены Донскими и таким образом Донцы "обкрутили Москву вокруг пальца". С течением времени Донское наречие смешалось с Запорожским, откуда современное мягкое произношение в говоре низовых станиц.

Кривянская станица, благодаря этому говору, получила дражнение: "вострокопитая кобила так на гору и висьмикнула".

Снабжение столицы Дона - Новочеркаска - почти полностью лежало на обязанности Кривянцев, как ближайшей станицы. И когда на базаре при покупке продуктов Новочеркасцы чем либо задевали самолюбие Кривянцев, то те неизменно горячились и отвечали обидчикам: - "Каби не ми - Кривяни, Богови люди, так ви би, чортова Черкасня, с голоду б повиздыжали!.." -

=====

КОЕ ЧТО НОВОГО ИЗ КАЗАЧЬЕГО ГОВОРА.

В маленькой капле не так уж много воды, но без нея небыло бы ручья да житья.

Хорошее здоровье, да светлые мозги - другого дара у Бога не проси.

Темнота, да невежество - бич всего человечества.

Пчёлка - маленькая букашка, но пользы - больше, чем от великана.

Глубже душевной тайны ничего нет на свете.

Правда, как роза хороша, но в то же время не весьма приятна, да и колюча.

Катастрофу и переворот не народ создаёт, а политико-шарлатаны, да преступный сброд.

Чорт, да ворон долго живут, но ни кто им не завидует.

Зло, да ложь и ненависть очень крылаты - скорей правды и добра по свету летают.

У Бога своей работы очень много, - со спой не суйся, а труд, да ум и знание свое употребляй.

Добродетельность и сердечность очень скромны и тихи, но зло, да ложь очень крикливы и шумливы.

Грех не обитает в скоромной оде, а в уме, да на языке.

Когда выпивают, то мило и любезно друг другу здоровья, да добра лишь только желают, а напизшись - ум и здоровье теряют, да и калечат иногда друг друга.

Богатство человека - доброе сердце, хорошее здоровье и светлые мозги, - этот дар Божий всю жизнь береги.

Чистота жилья и одежды, это есть опрятность, а чистота мозга и души это есть достоинство быть человеком.

Работа пера - очень тяжела и не каждому она под силу.

=====

А.Д.А.